Александра Эйд

Клятва Теней

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Александра Эйд

Клятва Теней

«Автор»
2026

Эйд А.

Клятва Теней / А. Эйд — «Автор», 2026

Егор Скворцов - обычный человек, которому никогда не везло. Пока в один день он не начал видеть то, чего не видят другие: крылатых существ, живущих среди людей.Теперь те, кто следит за Равновесием, ищут его. А те, кто его нашёл, должны решить: сдать его системе или нарушить всё, во что верили.

© Эйд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 6
Глава 2 16
Глава 3 24
Глава 4 31
Глава 5 39
Глава 6 50
Глава 7 57
Глава 8 67
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Александра Эйд
Клятва Теней

Пролог

Город был обычным – ни столица, ни огромный мегаполис с бешеным темпом жизни, а так, обычный областной центр: высотки, деловые центры, школы, больницы, спальные районы и пригородные посёлки. Люди здесь, как и везде, рождались, жили, любили и уходили…

И среди них жили Тени.

Существа, застывшие во времени. Существа, имеющие способность к магии. Они носили крылья за спиной – главный атрибут, по которому одна Тень узнавала другую. Но для людей Тени были прохожими, соседями или теми, кто на мгновение появлялся в их жизни, чтобы эту жизнь изменить.

Этот город выбрал Арбитр – самая могущественная Тень – как столицу магии. Отсюда магия распространялась по стране, и здесь начиналось Равновесие.

Но Равновесие – штука хрупкая. Особенно когда появился тот, кто увидел мир Теней.

Глава 1

Сизый свет из окна освещал обычный кабинет клерка – светлый, чистый, но заваленный всяким хламом: на стене висел перекидной календарь, хотя в нём и не было никакой нужды для хозяина этого места; на белом столе валялись скрепки и ручки; полки шкафов были забиты офисными папками, но внутри те пустовали. За окном открывался вид на дорогу, по которой неслись машины, а улица была покрыта первым декабрьским снегом. Кабинет 1001 находился в самом конце коридора, куда можно было попасть лишь пройдя тысячу кабинетов перед ним, и был последним перед вынесением вердикта.

Душа сидела на стуле, сжимая в руках стопку бумаг. Всё существо этого мужчины гудело от усталости: он прошёл тысячу кабинетов, где заполнял тесты и анкеты, и уже не раз видел крылатых существ, которые проводили собеседования. Все эти мытарства сопровождались очередями среди таких же, как и он. Сейчас, сидя в кабинете, он даже не знал, сколько времени провёл в здании, называемом Канцелярией. Время, прошедшее внутри, уже казалось вечностью. Теперь это был последний кабинет, после которого будет известна его дальнейшая судьба. Душа предчувствовала неладное, потому что, проведя много времени в очередях, она уже была наслышана о главном рекрутере Дмитрии из кабинета 1001: другие существа в общении друг с другом то ругали его, то восхваляли, кто-то закатывал глаза, услышав это имя, а кто-то искренне хотел быть похожим на рекрутера.

Всё, что сейчас понимала Душа, это то, что она в незнакомом месте и что добровольно проходит все эти испытания, даже не задумавшись ни разу о том, чтобы развернуться и уйти. Всё началось с того, что человек умер. Какой-то негодяй, забыв об оледеневших дорогах, превысил скорость и врезался в его автомобиль, который занесло. Последнее, что помнил погибший – это то, что его водительское место врезалось в уличный фонарь на большой скорости. На одну секунду человек попал в темноту, но всего лишь на секунду. Первым, кого он увидел, когда очнулся, была высокая шатенка с большими чёрными вороновыми крыльями. Она поприветствовала его и повела за собой. В руках девушки был планшет, вокруг неё вилась чёрная дымка, а из кончиков пальцев вылетали золотистые искры, когда она вносила данные, глядя на экран. Душа, словно ведомая, следовала за женщиной, и только оказавшись внутри Канцелярии, осознала своё положение: Душа не может уйти, но и не знает, куда идёт дальше. Никто ничего толком не объяснил.

Дверь в кабинет 1001 открылась, прервав размышления Души, и внутрь зашёл молодой мужчина. Душа вздрогнула и обернулась на вошедшего. Внешне он выглядел лет на тридцать. Он был одет в тёмно-зелёный свитер, старые поношенные джинсы и кроссовки известного спортивного бренда. Его рыжие волосы были растрёпаны, а на лице застыла недовольная гримаса. Главный рекрутер определённо не был рад работать этим утром. В руках он нёс такой же планшет, как у всех этих существ, а за его спиной плавно колыхались два больших крыла цвета жухлой осенней листвы, напоминающие крылья хищной птицы.

Мужчина прошёл к своему столу и опустился в кресло. Крылья, будто живые, сами сложились за спиной и поднялись над прорезями спинки кресла, сделанного на заказ. Не глядя на Душу, сидевшую перед ним, он протянул руку ладонью вверх и лениво приказал:

— Бумаги давай.

Его голос был ровным и безразличным, выражающим скуку от ежедневной рутины. Каждый день десятки Душ проходили через этот кабинет, и у всех были одни и те же вопросы и одни и те же проблемы с досье.

Душа, пытаясь сохранять спокойствие, протянула бумаги дрожащей от усталости рукой. Сидевший за столом взял документы и беглым взглядом просмотрел их, ловко перелистывая, лишь пару раз задержав взгляд на листах.

— Заключения психометрического теста нет, — мужчина с крыльями начал перечислять, — форма 07-Б заполнена неправильно, а на анкете нет печати из кабинета 301. Не приму.

— Мне… Мне не дали тест, — прошептала Душа. — В 303 кабинете сказали, что печать есть, а в 305 кабинете сказали, что переделали форму. Они отправили меня с документами дальше.

Крылатый медленно повернул голову на Душу и после этого аккуратно положил документы на край стола. В его карих глазах не было гнева. Душа увидела в его взгляде лишь усталость от вечной карусели несовершенства и бюрократических сбоев.

— Есть два варианта, — голос рекрутера прозвучал как зачитанная инструкция. — Первый: вы возвращаетесь в кабинет 214, заполняете там психометрический тест. После в кабинете 280 требуете нового заполнения формы 07-Б и ставите печать в кабинете 301, после чего возвращаетесь ко мне. С учётом времени, потраченного в очередях, процесс может быть длительным. Второй вариант: я ставлю отметку «На доработку» и сам отправляю запросы, но только когда я буду свободен. После этого я пересмотрю документы. Что выбираете?

Душа долго не думала. Мысль о новых очередях вселила ужас. Душа даже вздрогнула от осознания, что предстоит, если она выберет первый вариант.

— Второе… Пожалуйста.

Крылатый кивнул и сделал несколько касаний кончиками пальцев по экрану планшета, после чего собрал бумаги и, наклеив на них розовую бумажку, бегло написал «На доработку». После этого мужчина небрежно бросил бумаги в стопку таких же досье с розовыми наклейками. Он точно знал, что Душе придётся ждать долго, независимо от выбора.

— Ждите уведомления в зале ожидания, — сказал рекрутер, слегка улыбнувшись, — вас вызовут.

Когда Душа выскочила из кабинета, она чуть не столкнулась с другой ожидавшей Душой. Её глаза автоматически устремились в дверь напротив. Это были большие коричневые двери, на которых висела табличка «Зал ожидания». Душа толкнула её и погрузилась в помещение, где ненавязчиво играла фоновая музыка из динамиков. Зал оказался круглым, по всему периметру были двери, которые то и дело хлопали, впуская внутрь входящих. На стене висели огромные часы с белым циферблатом и медленно движущимися чёрными стрелками. Под светом холодных ламп на металлических скамейках сидели другие Души, ожидавшие, когда их вызовут. Кто-то молча сидел и смотрел перед собой, кто-то тихо плакал, кто-то спал, свернувшись калачиком. Погибший нашёл свободное место на задних рядах скамеек и расположился, сливаясь с окружающей обстановкой. Теперь ему оставалось лишь ждать.

Тем временем в своём кабинете Тень Дмитрий, отправивший Душу в зал ожидания, проверял документы следующей кандидатки на становление Тенью. Перед ним сидела старушка, ожидавшая, что он скажет. Эта Душа никуда не спешила, и казалось, не испытывала усталости. Дмитрию даже на мгновение показалось, что старушка знает больше, чем должна, но это чувство ушло, как только он бросил на неё взгляд. Он пролистал бумаги, а после взял большую печать и на бланке заключений поставил отметку с надписью «Отказ», после чего протянул женщине её документы.

— Вам дальше по коридору в белые двери, там вас встретят. Всего доброго.

— Чего? — не расслышала старушка и поднялась на ноги, чтобы подойти ближе. — Повтори, милок, не поняла.

— Вам дальше по коридору, — чуть громче сказал Дмитрий. — В белые двери. Вас там встретят!

Последнюю фразу Дмитрий почти выкрикнул, когда увидел, что старушка ничего не поняла.

— Скажите, это суд? Я попаду в рай? Или в ад? — женщина обеспокоенно посмотрела за окно, ожидая увидеть либо озёра лавы, либо поле с ромашками, но за окном был лишь оживлённый заснеженный перекрёсток.

— Здесь нет рая или ада. Только Бездна, — произнёс Дмитрий тише, но старушка снова ничего не услышала.

До обеда дверь открывалась и закрывалась. Бумаги ложились на стол, быстро пролистывались и возвращались в руки владельцам с пометками «Отказ» или откладывались в сторону с пометкой «На доработку» на розовой бумажке. Никаких лишних слов, только сверка бумаг и поток Душ. В этот день ни одна Душа не удостоилась полноценного собеседования с Дмитрием и не получила право пройти на распределение.

Спустя шесть часов непрерывной работы Дмитрий поднялся со своего кресла и направился на выход. В коридоре стояла очередь. Когда он закрыл дверь на ключ, в толпе прошла волна негодования, но Дмитрий лишь пожал плечами:

— Обед.

— Но мы в очередях уже не первые сутки! — воскликнула женщина, стоявшая третьей.

— У вас впереди вечность. Некуда спешить.

Спустя пятнадцать минут Дмитрий уже заходил в кафе в здании торгового центра «Сфера», который располагался рядом с Канцелярией. Его работа находилась в центре города. Люди видели вместо Канцелярии серое здание государственной организации с охраной у дверей. Зато всё остальное было настоящим, например кафе «На виду», в которое ходили обедать клерки со всего центра города, туристы и отдыхающие. А ещё это было излюбленное место отдыха Теней, работающих среди людей. Так же, как остальные, они приходили пообедать, хоть и меньше нуждались в еде: для них обеденный перерыв был ритуалом и временем для общения.

Внутри помещения было оживлённо. Помимо людей там сидело несколько Теней, шёпотом переговаривавшихся о своих делах; официанты бегали между столами, а пустых мест почти не было. Дмитрий посмотрел в угол кафе, где стоял стол, за которым никто никогда не обедал, кроме него и его друга. Там уже сидел Никита – главный статистик Канцелярии.

Никита сидел, аккуратно сложив свои чёрные кожистые крылья за спиной, и уставился в планшет. Обычная человеческая мебель не была спроектирована с учётом того, что кто-то может носить за спиной крылья, и поэтому ему было неудобно сидеть, без возможности опереться на стул. Несмотря на то, что обычный человек не видел крылья, они всё же были материальны и порой мешались.

Дима сел напротив, не здороваясь, так как уже видел друга с утра на собрании у начальника. Он кивнул знакомой официантке, дав понять ей: «Мне как всегда», что означало, что ему нужна лишь чашка кофе и паста. После этого он посмотрел на друга, который всё так же, не отрывая взгляда от экрана, читал данные таблицы.

Никита, закадычный друг Димы, был молодым стройным мужчиной. Его чёрные прямые волосы падали на лицо и немного мешались. Мужчина слегка коснулся кончиками пальцев своего виска, а затем провёл пальцами в сторону планшета так, будто стряхивал воду с рук. Золотистые искры направились к технике, и данные на экране изменились. Он повторил это движение несколько раз, обновляя таблицу, а затем повернул экран к Дмитрию.

— Смотри, — строго сказал Никита. — Это отчёт по твоей работе за месяц. Если помнишь, скоро конец года, и я сдаю ведомости.

Дмитрий лениво взглянул. Он и так знал, о чём будет сейчас говорить Никита – про недостаточное выполнение плана и затягивание, как казалось остальным, рабочих процессов.

— И?

— У тебя показатель по новичкам ниже, чем мои шансы на перевод в Жнецы, — сказал Никита, вовремя понизив голос.

К ним подошла официантка, которая поставила на стол кофе Димы и тут же убежала.

Дима знал, что Никита уже почти сто лет, с момента, как стал Тенью, мечтает стать Жнецом, чтобы встречать Души. Никита быстро осознал, что свод цифр в ведомости не приносит ему внутреннего удовлетворения и теперь только и грезил о том, чтобы сменить работу. Дима взял чашку и, сделав глоток, ответил:

— Они несут мне «сырые» документы. Я что, должен все этапы пройти вместо них?

— Ты им всем ставишь отказы или кладёшь в стопку недоработанных, а потом забываешь! Об этом уже шутки ходят в Канцелярии.

— Неправда. Я не забываю, я стажёров отправляю за бумажками. Это они долго работают.

Никита тяжело вздохнул, поворачивая к себе планшет. В очередной раз он убедился, что говорить с Димой о работе нет смысла. Он также сделал глоток кофе и снова попытался вразумить друга.

— Начальник ждёт отчётность через три недели, чтобы передать в отдел Судьбы, — шёпотом стал пояснять Никита. — У нас кадровый голод, и если не будет прироста по новеньким, нас ждёт проверка в январе.

Дима пожал плечами, отчего перья тихо зашелестели.

— Пусть проверяют.

— Да они нам существование отравят!

Сказав это, Никита взмахнул рукой, и его крыло рефлекторно расправилось на пару сантиметров, задев чужую сумочку на соседнем стуле. Хозяйка сумки тут же обернулась, чтобы проверить качнувшуюся вещь, но ничего не заметив, лишь поежилась от дуновения ветерка. Женщина перевела взгляд на выключенный кондиционер, предположив, что кто-то из работников переключил температуру.

Никита, не обращая внимания на человека, выключил свой планшет и отложил технику в сторону.

— Ладно, я скажу, что у нас технический сбой в системе приёма, а ты… Хоть кого-то пропусти дальше. Хотя бы для протокола.

Дмитрий поднял свою чашку кофе наподобие стакана с алкоголем, будто согласился с тостом. Он лучше всех знал, что невозможно пропустить «для протокола» лишь бы кого, особенно если этот кто-то не обладает способностью к магии. Его лицо не выражало ничего, кроме ленивого спокойствия.

— Ты всё о работе.

Затем он обернулся к официантке, чтобы попросить счёт, как тут к ним подошли другие две Тени. Это были две девушки в длинных серых пальто, обе с крыльями графитового цвета. На их руках красовались браслеты, тускло светящиеся изнутри синим цветом от служебных уведомлений.

— Дима, найдётся минутка? — одна из них пропустила приветствие и сразу обратилась к давнему знакомому.

Дима тут же напряг крылья, но не от страха, а от неожиданной встречи с девушкой, которая была симпатична ему несколько десятилетий назад. Он жестом пригласил их за стол.

— Оля? — не поверил он своим глазам. — Служба контроля теперь следит и за кофейными паузами?

Оля улыбнулась кончиками губ.

— Следим только за аномальными происшествиями. А это Ира – моя напарница, — она кивнула в сторону коллеги.

— Мы ненадолго, — сказала Ира. — Есть несколько вопросов.

Никита и Дима переглянулись – они хоть и занимали должности руководителей отделов в Канцелярии, но в мире Теней они были мелкими сошками. И ничто не предвещало, что сотрудники Службы контроля за аномалиями придут к ним задать несколько вопросов.

Тени расположились за столом и заказали ещё по кружке кофе. Дима встретился взглядом с Олей: в нём не было былого флирта – лишь профессиональная усталость.

— Как жизнь, бумажный магнат? — Оля постаралась задать дружеский тон беседе.

— Всё своим путём. Давайте ближе к своим вопросам.

Оля и Ира посмотрели друг на друга, решая, кто первым начнёт говорить. На секунду задержав взгляды, они кивнули друг другу, и Оля, потянувшись к центру стола, тихо заговорила:

— У вас в Канцелярии спокойно? Я имею в виду… — её тон был заговорщицким. — Нет никаких сбоев?

— Что ты подразумеваешь? — в разговор вступил Никита.

Он с Олей был знаком лишь немного. Когда-то она работала в Канцелярии, и пару раз они виделись на рабочих корпоративах, но совсем скоро девушка ушла работать в Службу контроля за аномалиями, и их пути больше не пересекались.

— У нас всё по регламенту, — парировал Дима. — Регламент и есть наша главная аномалия. В чём дело, Оль?

— Ладно, — произнесла Оля, забыв, что вопросы должна задавать она. — Рассказываю по секрету, и наша дружеская беседа должна остаться только между нами. Слушайте сюда: на юге страны четвёртые сутки идёт разноцветный снег. Это большие хлопья, снег такой яркий, будто отравлен чем-то. А на севере в декабре стоит жара. Формально они называют это тёплой зимой, — под словом «они» Оля подразумевала людей. — На самом деле, если бы Друиды не старались нагнать холод, там была бы сорокаградусная жара. А ещё циклоны резко меняют направление: они вроде движутся в одну сторону, а потом, будто натолкнувшись на стену, резко разворачиваются.

Дима и Никита бросили взгляд друг на друга, но ничего не сказали. Они понятия не имели, к чему весь этот разговор и что от них требуется.

— Погодные аномалии – это первый признак сбоя работы всей нашей системы, — пояснила Ира, заметив их переглядывания. — Просто представьте: вся наша система работает веками, и сбои были лишь пару раз, и каждый раз они начинались с погодных аномалий, а заканчивались свержением кого-то из Могущественных и повышением одной из сильных Теней. Ну то есть, возможны кадровые изменения в самой верхушке. Как в 1780-м во время великого урагана, когда Смерть покинула свой пост.

— А нам-то что с этого? — уточнил Дима.

— С того, Дима, что в Санктуме уже начинаются разговоры, — усмехнулась Оля. — Как правило, им безразличны мелкие проблемы, но сейчас, зная, что всё идёт по известному сценарию, они начинают действовать на опережение. Пока приказа не было, но мы предполагаем, что будут массовые проверки во всех системах и поиски причин погодных аномалий. Поэтому…

— Поэтому, — Никита не дал ей договорить, — нам нужно привести в порядок весь свой архив?

— Да, — Оля кивнула. — Они будут проверять не только нынешние отчёты, а архивы за прошлые годы, личные дела и компетенции сотрудников. Я предполагаю, они проверят каждого из нас.

— Но, зачем? — не понял Никита.

— Что-то меняет наш мир, вмешивается в него. Начинается всё с самой чуткой системы – погоды. За ней будет меняться природа, а после будут изменения и в других сферах жизни, — пояснила Оля. — Лучше предотвратить дальнейшие изменения, чем исправлять произошедшее. И нашему отделу будет дана задача найти причину как можно скорее.

— И в этом будем задействованы мы, — Ира предупредительно подняла указательный палец. — Именно сотрудники нашего отдела будут проверять данные и пересматривать всю макулатуру, на которую начальство укажет пальцем. Если мы не справимся, то вмешаются Агенты.

— Если мы не справимся, будут Инквизиторы со своими командами Агентов. У Инквизитора прав на расследование больше, чем у нас, — заметила Оля.

— Считайте, что это просто дружеское предупреждение. Мы не знаем, когда это начнётся, но будьте готовы, — подытожила Ира.

Оля встала со стула, бросив на стол смятую купюру за свой и Иры кофе. Всем своим видом она показала, что разговор окончен. Ира поднялась вслед за ней.

— И, ребята, этот разговор – между нами. Будете распространять возле кулеров с водой, у нас и у вас будут проблемы, — предупредила Оля. — Так что это просто внезапная встреча старых знакомых в кафе. Мы обсуждали погоду, работу и бытовуху. Держитесь, бумажные магнаты.

И с этими словами две Тени развернулись и ушли, растворившись в потоке людей. Дима и Никита снова переглянулись. Они так и не поняли, зачем именно их предупредила Оля.

В скором времени ничего не говоря друг другу, Никита и Дима покинули кафе и вышли в здание торгового центра. Тени Дмитрий и Никита двигались к выходу на улицу, лавируя между мимо проходящих людей. Они шли вперёд уверенно, расслабив мышцы спины так, что их крылья не были прижаты и расслабленно покачивались в такт походке. Крылья Димы тихо шелестели, в то время как кожистые крылья Никиты оставались бесшумны. Люди не видели их крылья и, проходя сквозь них, вздрагивали от холода. Тени, сильные и бессмертные, двигались вперёд, будто главные герои боевика, которым всё по плечу. Они ни о чём не говорили, каждый обдумывая произошедший разговор. Их внешний вид не выдавал в них неуверенности, но на самом деле Тени были обеспокоены.

Дима резко остановился напротив книжного магазина и обернулся к другу. Он поднял одно своё крыло, показывая место, где перья были надломаны.

— Никита, ты либо свои заслонки прибери, либо отойди от меня. Не чувствуешь, что толкаешься?

Никита, ничего не ответив, пожал плечами и лишь немного прижал крыло к спине. Они продолжили путь и вскоре вышли из торгового центра. Перед их глазами открылся центр города и перекрёсток, по которому неслись машины, а люди, словно муравьи, шли толпой, но каждый своим путём. И тут, среди человеческой суеты, проносились другие Тени.

Мимо них, едва не задев, пронеслась Тень, работающая курьером в доставке еды. В человеческом облике это был молодой парень в яркой униформе, который нёс такую же яркую термосумку в руках, но в облике Тени за спиной парня были большие грязно-серые крылья, которыми он уже начинал взмахивать. Тень перешла на быстрый шаг, и вскоре, оттолкнувшись ногами и взмахнув крыльями, поднялась в воздух. Мужчины проводили взглядом улетающего курьера, который быстро скрылся в небе от взглядов людей.

У самого перекрёстка стояла Тень-Чтец. Это были единственные Тени, которые имели способность быть невидимыми для людей. Чтец иногда поглядывал на наручные часы. Дима и Никита поравнялись с ним в тот момент, когда идущий мимо человек внезапно остановился и задумался. Секундой позже он направился в цветочный магазин. Клерки оглянулись на Чтеца, но тот уже исчез.

— Интересно, статистически, сколько людей дошло до ЗАГСа после того, как Чтец внушил мысль, что на свидание нужно купить девушке цветы? — пробормотал Никита.

Дима не ответил. Ему совершенно было неинтересно, что происходит по статистике. Подходя к зданию Канцелярии, они замедлили шаг, увидев то, что даже Тени предпочитали не

замечать. По противоположной стороне улицы, прямо по тротуару, шагала Жнец – женщина в деловом костюме. Стук её каблуков будто заглушал звуки вокруг. За её спиной колыхались огромные вороновые крылья, которые возвышались над её головой, а кончики перьев едва дотягивали длиной до щиколоток. Саму Тень окутывала чёрная дымка – отличительный признак Жнецов. Жнец не спеша, но уверенно шагала вперёд, держа в руках включенный планшет. Женщина периодически прикасалась к своему виску кончиками пальцев, а затем небрежным движением переносила информацию в технику. С каждой золотистой искрой на экране автоматически заполнялась документация.

За спиной Тени было столпотворение. Там, внутри толпы, на земле лежал мужчина с искажённой гримасой боли на лице. Его руки были прижаты к грудной клетке. Его окружили люди, пытающиеся помочь в ожидании машины скорой помощи, но лишь Тень и следовавшая за ней Душа, знали, что уже поздно. Душа, утирая слёзы, плелась за Жнецом и иногда оборачивалась, чтобы посмотреть на своё тело. Когда они приблизились к зданию Канцелярии, Душа в очередной раз обернулась и увидела, что подъехала машина скорой помощи, из которой выбежали два медработника в синей униформе. Они тут же стали пытаться запустить сердце человека.

Тени, столпившиеся у входа и видевшие происходящее, застыли. Работа Жнецов пугала многих Теней: пока большинство из них трудились над Равновесием в мире и в судьбах людей, Жнецы были первыми Тенями, которые встречали погибшего и провожали его в Канцелярию, передавая Душу в руки клерков. Жнецы не заботились о Равновесии – они заботились о том, чтобы ни одна Душа не была утеряна и не скиталась в мире людей.

Никита и Дима стояли неподалёку, наблюдая за группой людей. Жнец тоже обернулась. Она отвлеклась от заполнения таблицы и следила за происходящим вместе с остальными. Душа взволнованно смотрела то на Жнеца, то на столпотворение рядом со своим телом. Спустя пару минут врачи стали укладывать тело на носилки, чтобы отвезти человека в больницу.

— Они смогли, — прозвучал голос Жнеца, с едва скрываемой радостью. — Ладно, встретимся позже, когда-нибудь. Беги туда.

Жнец удалила незаконченный файл. Она только и успела проводить взглядом исчезающую в дверях машины скорой помощи Душу.

— Ого, в этот раз у людей получилось! — восхитился Дима. — Сколько видел работу Жнеца за сто семнадцать лет, всё равно не могу привыкнуть, что Души порой не доходят до Канцелярии.

Он обернулся к Никите, который заворожённо наблюдал за Жнецом. Его кожистые крылья были напряжены и совершенно неподвижны.

Кабинет Никиты напоминал оплот организованного хаоса: повсюду лежали папки с документами, свёртки и стопки бумаг. Он сидел за столом перед планшетом, куда быстрым движением переносил цифры из головы, проводя кончиками пальцев по воздуху. Его чёрные демонические крылья свободно лежали в специальных ложбинах, не стеснённые в помещении.

Данные в отчёте не сходились с нормативными показателями, хотя он не раз перепроверял все документы. Раз за разом он приходил к выводу, что либо не хватает данных, либо на каком-то этапе одна из Теней решила подделать свои показатели.

— Где же ты… — его сухой голос констатировал поиск ошибки.

Пальцы двигались над планшетом почти автоматически. Он проверял данные снова и снова, но цифры упорно не вставали на места.

Никита работал всю ночь. Тени не чувствуют усталости и меньше нуждаются во сне, но после этой ночи мужчина был вымотан. Сейчас, когда рассвет за окном был не ярким, а грязно-серым, Никита откинулся на спинку стула, тяжело выдохнув, запрокинул руки за голову. Его

сознание было приковано к экрану, где после шестого пересчёта цифры встали на свои места и наконец-то сошлись.

В этот момент в углу экрана планшета всплыло уведомление: «Входящее сообщение». Он тут же коснулся пальцем уведомления. Это было письмо из комиссии по межведомственным переводам, в котором указывалось, что Никите снова отказывают в предоставлении возможности обучения на Жнеца с последующим переводом в отдел Смерти. Сообщение было коротким и отформатированным по всем канонам служебной переписки: «…к сожалению, на данном этапе Ваша кандидатура не может быть одобрена. Рекомендуем повторно подать заявку в августе-сентябре будущего года для рассмотрения к новому учебному циклу…»

Никита не стал дочитывать сообщение. Он отшвырнул планшет в сторону и лишь фыркнул, хотя внутри него всё начало заполняться густым гневом. Он давно уже самостоятельно изучил всю теорию работы Жнецов, и уже несколько лет тренировался в полётах, благодаря чему был выносли в и мог быстро пролететь на большие расстояния. Но каждый раз ему приходил отказ в переводе: то недостаточный возраст, то недостаточная физическая подготовка, то не успевает на этот учебный цикл… На этот раз причиной отказа была нехватка справки о доходах. На самом деле Никита знал, что причина отказа кроется в том, что на его место нет другой Тени, которая справлялась бы со всей статистикой Канцелярии или хотя бы хотела разобраться в этой работе.

Он откинул голову на подголовник, уставившись в потолок. Глупая, унизительная, бюрократическая лазейка: они не сказали «нет», они сказали – «приходите через год». Как будто за этот год его страсть угаснет, а его место не станет ещё незаменимее.

Тут же, будто насмехаясь, пришло второе письмо. Никита лениво взял планшет в руки и открыл новое сообщение. Оно было прислано секретарём начальника Канцелярии: «Никита, доброе утро! Шеф просил ускориться с годовыми отчётами. Нужно всё подготовить к пятнице. Извини за срочность!»

Никита бросил взгляд на календарь на экране телефона: вторник, 8 декабря. Он покачал головой, будто отгонял мысли в сторону, и вернулся к работе: привычным движением он стал вносить данные в новый отчёт.

Этим пасмурным утром в дверь Дмитрия постучали, и послышались три чётких негромких удара. Дмитрий, листавший дело Души, которая сидела напротив, поднял голову, и как раз в этот момент внутрь вошла Тень с едва видными крыльями за спиной. Это была стажёр.

Девушка тихо вошла в кабинет, плотно закрывая за собой дверь, и села на стул в углу помещения, ожидая, когда у Димы будет время ввести её в курс дела. Сейчас ей предстояло научиться работе рекрутера, чтобы понимать, какая Душа сможет стать Тенью, а какая попадёт на перерождение. Её белые маленькие крылышки были плотно сложены за спиной, и, хоть и невербально, Дима почувствовал, что она боится его. Наслышанная о его методе работы – что он может даже не листать досье Души – Тень боялась либо полного игнорирования, либо тягостной неловкости.

— Вы можете идти, — Дмитрий поставил отметку в досье и протянул документы Душе, а затем добавил: — Дальше по коридору, там встретят.

— Что со мной будет? — уточнила Душа, принимая документы в руки.

— Ничего страшного, — Дмитрий пожал плечами, — в зеркало посмотритесь, крылья отрастите. Идите.

Душа молча кивнула и на этом покинула кабинет. Несколько секунд никто не заходил, что означало: за дверью очереди нет. Дмитрий поднялся со своего места и расчистил противоположную часть стола.

— Здесь ты будешь работать, — сказал он и указал на пространство перед собой. — Тебя как звать?

— Юлия, — робко представилась белокурая девушка.

— Переставь стул сюда. Вот тебе эта башня из бумаг, — Дима указал на стопку досье с пометками «На доработку». — Души в зале ожидания. Бери папку, проверяй, собирай все бумаги и с готовыми документами возвращай сюда Души.

Юля подошла к столу и оглядела работу, предлагаемую Дмитрием. Это была не одна «башня из бумаг», а несколько башен, сложенных досье друг на друга, которые вот-вот должны были упасть на пол из-за нестойкости всей конструкции. Она перевела взгляд на рекрутера, будто не решаясь задать вопрос. Всё же, осмелившись, она спросила:

— Почему здесь так много недоработанных дел?

Дима нахмурил брови, почувствовав укор от стажёра.

— Они приносят несобранные досье, а я оставляю хоть какую-то работу таким стажёрам, как ты. Список необходимых документов в планшете в папке «Документы».

Сказав это, Дмитрий снова сел за стол и, всё так же хмуря брови, стал листать рабочий планшет. Юля тем временем принялась за работу: она стала открывать одну за другой папки и, поставив пометки о том, чего не хватает, выходила в коридор. Тень проходила кабинеты собирая нужные бумаги, и иногда заходила в зал ожидания, чтобы пригласить Душу на собеседование к Дмитрию.

В очередной раз, когда она зашла в огромный зал с большими часами на стене и металлическими скамейками, расставленными в полукруге, она остановилась посередине зала, рассматривая циферблат.

Работа в Канцелярии – это меньшее, чего ожидала Юля от загробной жизни. Когда она погибла, она и подумать не могла, что станет работать в таком месте. Но после того, как она стала Тенью, вернуться домой она не могла. Юля пыталась приблизиться к своей семье – за что тут же получила первое предупреждение от Агента Службы контроля за аномалиями. И теперь, когда она осталась бездомной и нищей, ей предстояло начинать всё сначала. И благо, Канцелярия дала такую возможность: Юля могла работать стажёром, с правом после испытательного срока остаться в Канцелярии навсегда.

Стрелки часов медленно двигались вперёд, но, когда Юля внимательно вгляделась, она заметила, как стрелки дрожат. В один миг секундная стрелка застыла, и весь механизм часов так же остался неподвижен. Спустя ещё миг секундная стрелка быстро заскользила назад, не останавливаясь на делениях. Минутная стрелка тем временем двигалась то вперёд, то возвращалась.

Юля ахнула и крепче прижала к груди бумаги: она работала в Канцелярии уже четвёртый год и с таким столкнулась впервые – часы зала ожиданий показывали неправильное время. Тень огляделась по сторонам. Души не видели никаких изменений. Они вообще не обращали внимания на время, но в помещении также находилось несколько Теней. С одной из них Юля встретилась взглядами, и движениями глаз она указала коллеге на часы. Как только та перевела взгляд на циферблат, стрелки часов стали крутиться в хаотичном порядке, обгоняя друг друга.

— Эй, — Тень с серыми крыльями махнула рукой другой Тени, — нужно вызвать кого-то, часы сломались!

— Что, часы сломались? — переспросила третья Тень, не веря в то, что услышала.

Услышав их разговор, другие Тени тоже оторвались от дел и обратили внимание на сломанный механизм. Даже Души, одна за другой, вырвались из спячки и подняли головы. Большинство из них поднялись со своих мест и стали толпиться перед часами. Все – и Души, и Тени – как заворожённые смотрели на хаотичное движение стрелок.

Не прошло и минуты, как прервалась музыка, и из динамиков, развешанных по периметру зала, раздался скрежет. Юля почему-то сразу подумала, что этот звук похож на то, как острые когти скребут по стеклу, пытаясь выбраться наружу. Души испуганно прижались друг к

другу и стали оглядываться, перешёптываться и качать головами. Юля заметила: Тени выпорхнули из зала ожидания, хлопнув дверьми. Звук внезапно прекратился. Не тратя время, Юля последовала вслед за коллегами, оставив взбудораженные Души одних.

Оказавшись внутри коридора, Юля вжалась в стену из-за переполоха: Тени носились в разные стороны, их крылья были расправлены и взъерошены, кто-то прижимался к стене так же, как и она, испуганно наблюдая за бегущими, а из кабинетов вышли работники, озадаченно переглядываясь. Где-то вдалеке слышались крики и призывы вызвать сотрудников Службы контроля за аномалиями. Юля проследила взглядом за порхающими коллегами, а когда мимо неё прошли крепкие мужчины с серыми перьевыми крыльями, длиной до щиколоток, она так испугалась, что чуть было не вернулась в зал ожидания. Когда Тени с серыми крыльями скрылись, Юля проскользнула быстро в кабинет напротив и, зайдя внутрь, увидела Дмитрия, говорившего по телефону. Он кивнул Юле, чтобы та села, а после закончил разговор, договорившись с кем-то о встрече.

— Вы… Вы слышали? — спросила Юля, робко садясь на краешек стула.

Она положила незаконченные документы обратно в стопку, которая значительно уменьшилась с утра.

— Давай на «ты». Конечно, слышал… Это из подвалов, — Дмитрий не показывал своего волнения, хотя видел, что Юля напугана.

— А что там?

— Внизу, под нами – Бездна. Ты разве не знала?

— Что? — Юля недоумённо посмотрела на Дмитрия. — Я слышала, что те, кто недостоин перерождения или становления Тенью, попадают в Бездну, но я не знала, что это место здесь, прямо в центре города.

— Бездна под нашим зданием, вход туда находится в подвалах Канцелярии. Бездна настолько огромна, что по площади даже с городом не сравнима, — пояснил Дмитрий и сразу сменил тему. — Что с работой?

— Я разобрала часть документов, — Юля указала на стопку досье, — и уже некоторых Душ отправила на повторное прохождение испытаний. А сейчас я даже не знаю, что делать. Все так напуганы. Наверное, завтра закончу. Когда вы, вернее, ты будешь учить меня работать с Душами?

Дима проигнорировал её вопрос. Прошли те славные времена, когда стажёру достаточно было одного года обучения, чтобы изучить всю работу Канцелярии. Наверное, Дима был последним из поколения Теней, которые застали те годы. Вот уже лет восемьдесят, может меньше, стажёр мог стать работником Канцелярии только после пятилетнего опыта обучения. Если только стажёр не найдёт другую работу раньше.

— Пойдём пообедаем, — ответил он, поднялся на ноги и потянулся, расправляя крылья в стороны.

— Но… Работа…

— Не убежит. Давай-давай, пошли.

Глава 2

Если бы жизнь была книгой, то жизнь Егора Скворцова была бы никому неизвестной историей. В свои двадцать четыре года он был похож на недописанный черновик: все нужные слова на месте, но той самой «искры» не хватало. Егор Скворцов, высокий, но вечно сутулящийся молодой человек, передвигался бесшумно и одевался в мешковатую одежду, не подходящую по размеру, будто он пытался спрятаться. Его карие глаза постоянно были опущены в пол или в экран электронной книги, где он зачитывался фэнтезийными романами, представляя, что он главный герой и спасает мир или хотя бы прекрасную девушку.

Егор был единственным ребёнком в семье, где главными ценностями были тишина, порядок и стабильность. Родители, поглощённые работой, любили его тихой, безучастной любовью. Они обеспечили ему всё, кроме главного – чувства, что существование Егора кого-то по-настоящему волнует, кроме них.

В детстве мальчику не позволялось общаться с другими детьми, из-за чего у него совсем не было друзей. У него не было собаки, которую он так просил, и ему даже не разрешали завести хомячка. В школе он стал тем самым ребёнком, к которому обращались за тем, чтобы списать домашку, но никогда – чтобы позвать на день рождения. Отчаянная жажда дружбы, выплёскивавшаяся неловкими, навязчивыми попытками подружиться, лишь отталкивала одноклассников. По мере взросления в жизни Егора ничего не менялось. В студенческие годы, пока другие тусовались в барах и заводили романы, Егор корпел над учебниками, гонясь за дипломом с отличием. Его попытки заговорить с кем-то в институте заканчивались неловким молчанием или снисходительной улыбкой собеседника. Окончив институт, Егор нашёл работу в адвокатской конторе «Право и порядок» в бизнес-центре «Башня», напротив торгового центра «Сфера». Егор жил неподалёку от офиса и каждый день добирался на работу пешком. Здесь, среди коллег, он был невидимкой – новичком, чьё отсутствие замечал только начальник на утреннем собрании, и то только потому, что именно Егору он давал самые скучные поручения.

Его каждодневной радостью рабочего дня было кафе «На виду». Это была привычка, доведённая до автоматизма: удобно, недорого, рядом с работой. Название кафе было связано с тем, что одна из стен помещения представляла собой панорамные окна, через которые было видно двенадцатиэтажную «Башню» – строгий параллелепипед из стекла и стали. Егор любил сидеть напротив окна, рассматривая суету в кабинетах.

Внутри кафе царил убаюкивающий гул жизни: фоновая музыка тонула в шипении кофемашины, звоне посуды и в приглушённых разговорах. Здесь всегда пахло кофе и свежей выпечкой. Столики стояли плотно, но цветовая палитра из сочетания бежевого и изумрудного успокаивала.

В этот день, войдя внутрь, Егор совершил привычный манёвр: скользнув между столиками с посетителями, он замер у «своего» места – это был крохотный столик на одного в центре зала. Этот столик всегда был пуст, так как здесь всегда был только один стул, и одиночке, занявшему это место в центре зала, было неловко. Но Егору Скворцову было безразлично. Он привык к тому, что его никто не замечает, и всегда занимал именно этот стол, чтобы быстро пообедать.

Он снял своё тёмное поношенное пальто, аккуратно повесил его на спинку стула и сел, вытянув длинные ноги под столом. Егор достал электронную книгу из старого кожаного портфеля, который использовал ещё с института, положил технику рядом с салфетницей, но не стал включать. Сегодня он читать не хотел. Егор поймал взгляд мимо проходящей официантки – девушки-подростка с розовыми прядями – и кивнул. Она, не замедляя шага, бойко ответила:

— Как обычно?

Егор снова кивнул. Он всегда заказывал пасту карбонару и чашку чая, и официантка, обслуживающая этот стол, уже запомнила. А больше информации о себе Егор никогда не сообщал ей.

Оставшись один, он позволил себе свой крамольный ритуал: наблюдение. Он сканировал зал взглядом.

За стеклом валили крупные снежинки. Близился Новый год, повсюду мерцали городские украшения, а в коридорах «Башни» уже поставили украшенные мишурой ёлочки.

Он провёл взглядом по стёклам, всматриваясь в снег, и тогда его взор упал в дальний угол кафе. Там сидели двое. Первый – статный, в серой рубашке, заправленной в тёмно-серые брюки с чёткой стрелкой. Этот мужчина существовал в своём пузыре тишины. Он сидел сдержанно и задумчиво смотрел в окно. Поглощённый своими мыслями, он время от времени делал маленький глоток кофе. Перед ним стояла тарелка с салатом – что-то с рукколой, сыром и томатами, почти нетронутое. Мужчина периодически опускал взгляд в тарелку и лишь раздвигал ингредиенты вилкой, будто изучал композицию, а потом снова наблюдал за снегом.

Второй мужчина был полной противоположностью своего собеседника – он сидел на стуле, будто его никто не видел: правая нога была закинута на левую так, что лодыжка лежала на колене. Он был одет в простые тёмные джинсы и объёмный свитер цвета спелой хурмы. Перед ним стояла пустая тарелка, по белому фаянсу которой были размазаны остатки кетчупа. Всё его внимание было сосредоточено в телефоне. Наклонив голову с растрёпанными рыжими волосами, он иногда беззвучно усмехался. Мужчина абсолютно игнорировал шумный зал, снующих официанток и своего собеседника, с которым они, за всё время наблюдения Егором, не перекинулись ни словом. Что-то в их спокойствии, в этой немой уверенности, притягивало и тревожило одновременно.

Официантка с розовыми прядями поставила перед Егором фарфоровую чашку, из которой поднимался струящийся пар. Парень обхватил чашку ладонями, и его взгляд, словно на магните, потянулся обратно к той паре у окна. На этот раз он не рассматривал детали одежды. Его взгляд, скользнув по мужчине в свитере, упёрся в большое окно в тонкой стальной раме. То, что Егор увидел в отражении окна, заставило его приоткрыть рот от удивления. На фоне падающих снежинок и серого неба, в отражении окна, за спиной мужчины в свитере, чуть выше линии плеч, начинались два крыла. Первое, о чём подумал Егор, увидев крылья, это то, что они будто принадлежали крупной хищной птице, вроде канюка или орлана. Но крылья были огромными, не размером с птичьи, а согласно человеческому масштабу. Плотные, перьевые, с рыжевато-коричневым основным окрасом. Кончики перьев были чёрными, будто выжженными огнём. Крылья были расслаблены вдоль спины в естественном положении. Верхний изгиб крыла слегка возвышался над плечами сидящего человека, а нижние, самые длинные перья в сложенном состоянии доходили бы ему примерно до колен. И именно эта соразмерность, эта ужасающая анатомическая правдоподобность и выбила почву из-под ног. Это не было бутафорией или костюмом. Каждое перо, от пухового у основания до жёсткого махового на конце, лежало в своём порядке. Они выглядели как неотъемлемая, живая часть тела, как рука или нога, только… это были крылья.

Рука Егора дрогнула, и он отпустил чашку, которая опрокинулась с высоким звоном. Горячий чай хлынул на светлую столешницу и мгновенно пополз к краю стола.

— Ой! Всё в порядке?

Голос официантки пробился сквозь гул в ушах. Она уже была рядом, с комком бумажных полотенец в руках. Её лицо выражало профессиональное, слегка озабоченное участие. Её движения – быстрая, ловкая уборка – были такими земными, такими обыденными, что видение из окна тут же исчезло.

— Простите… я… неловко получилось, — забормотал Егор, хватая салфетки со стола и беспомощно прижимая их к расползающейся луже.

Его пальцы дрожали. Он не смотрел в сторону того угла, а сосредоточился на жёлто-коричневых разводах на белых салфетках, на крошечных чаинках, прилипших к столешнице.

— Ничего страшного, бывает. Принесу новый чай.

И когда стол снова стал сухим и пустым, лишь с едва уловимым пятном, Егору пришлось поднять взгляд. Он сделал это медленно, с усилием, будто поднимал тяжесть.

В окне за спиной мужчины в свитере теперь была лишь обычная улица и падающие снежинки. Егор перевёл взгляд на сам стол у окна: они оба смотрели на него. Тот, в строгой рубашке – с лёгким, отстранённым любопытством, как на мелкое, но занятное нарушение тишины в библиотеке. Его пальцы всё так же держали пустую вилку в воздухе. А тот, в свитере – с ленивым, чуть насмешливым прищуром. Он даже слегка приподнял бровь, будто оценивая степень комичности произошедшего. На их лицах не было смущения, только реакция на неуклюжего парня, пролившего чай.

Только Егор хотел отвести взгляд, как в этот самый момент к его столику подошла официантка с подносом. На нём дымилась тарелка с пастой карбонара – кремовая, с кусочками бекона и тёмными крапинками перца, и новая чашка чая.

— Ваш заказ. Осторожнее, горячо, — сказала официантка, ставя посуду перед Егором.

Аромат пармезана, сливок и копчёного мяса ударил в нос. Егор глубже наклонился над тарелкой, почти уткнувшись лицом в этот запах. Он взял вилку и с необычайным, почти ритуальным усердием начал накручивать на неё длинную нить спагетти. Он делал это тщательно, следя за тем, чтобы ни одна петля не соскочила. Егор не смотрел больше ни на кого. Его мир сузился до белой тарелки, блестящей вилки, аромата еды и ровного, успокаивающего шума кафе вокруг. *Устал*, – убеждал Егор себя в мыслях, протыкая вилкой кусочек бекона, – *спал мало. Вчера до трёх ночи читал про эльфийские войны.*

Только когда Егор доел свой обед, он снова поднял глаза от тарелки и посмотрел в сторону. Столик в дальнем углу уже пустовал. Егор обернулся, повертел головой из стороны в сторону, но двоих мужчин он больше не видел.

Следующее утро началось с того, что будильник умер в неравной борьбе с усталостью. Егор проснулся от собственного рывка, когда сон, в котором он летел над городом на перьевых, будто его собственных, крыльях, растворился, уступив место паническому осознанию: свет за шторами был уже не сизым, а дневным. *Чёрт!* – выдохнул Егор, не разбирая, ругает ли сон, будильник или самого себя. Цифры на экране телефона пылали безжалостным укором: до начала рабочего дня оставалось сорок минут. До того момента, как начальник начнёт обход кабинетов с лицом охотника, ищущего жертву, – двадцать.

Парень нёсся по утренней рутине, как пуля по неправильной траектории: зубная паста капнула на рубашку, галстук отказался завязываться с первого раза, а обувь осталась нечищенной со вчерашнего дня. Спустя десять минут Егор влился в поток людей, текущий к «Башне» – той самой, где ему предстояло провести ещё один день, расшифровывая скучные договоры аренды.

Утро на улице было холодным, колючим и бешено динамичным. Его шаги отбивали нервную дробь по тротуарной плитке. Парень обгонял женщин на высоких каблуках, осторожно семенящих по обледеневшим участкам дороги; пропускал вперёд опаздывающих студентов, громко спорящих о чём-то; лавировал между остановившимися поболтать клерками.

Мир вокруг был выдержан в гамме зимнего города: чёрные куртки, серое небо над головами, хромовая отделка машин, вросших в бесконечную пробку. Рёв двигателей, клаксонов и голоса сливались в один сплошной, давящий гул. Егор смотрел под ноги, высчитывая шаги и постоянно сверяясь с часами. Пятнадцать минут. Если бежать – можно успеть. Он уже мысленно видел себя в лифте, поправляющего галстук, делающего безразличное лицо… И в этот момент его взгляд, скользнув по толпе, выхватил фигуру напротив.

Мужчина, в дорогом пальто, шагал, не глядя по сторонам. Он яростно кричал в телефон, и его голос, хриплый от утреннего напряжения, резал воздух:

— Да ты не понимаешь! Они там все идиоты! Я им сейчас покажу, как акции покупать! Увидишь, к концу квартала я им всем…! — мужчина выкрикнул на одном дыхании, а затем добавил с ноткой грусти в голосе: — Инвесторы, блин...

Мужчина жестикулировал свободной рукой, совершенно не замечая ничего вокруг. А в десяти шагах перед ним, прямо на его пути, зиял приоткрытый люк. Со стороны казалось, что люк закрыт, но Егор увидел, что крышка сдвинута в сторону. Инстинкт сжал сердце Егора, и его собственная спешка на секунду отступила. Он поднял руку, чтобы выделиться из толпы, набрал воздух в грудь и приготовился крикнуть. И тогда воздух застыл у него в горле.

В этот миг, в сантиметрах от зияющего отверстия, материализовалась девушка. Она не возникла из-за угла или из толпы – она просто проявилась, будто её вытянули из самого воздуха. Это была обычная девушка, но за её спиной располагалось два крыла. Среднего размера, грязно-серого, стального оттенка, доходившие в сложенном состоянии ей примерно до колен. Они дёрнулись, расправившись на долю секунды для баланса, и Егор увидел чёткий рисунок перьев – перелив оттенков от тёмно-серого цвета у основания до почти серебристого по краям.

Движение её было отточенным, стремительным и абсолютно лишённым суеты. Она не посмотрела на кричащего в телефон мужчину. Она даже не посмотрела на люк: девушка просто знала. Она нагнулась – кожаная куртка скрипнула – и ухватилась пальцами голых рук за край тяжёлой чугунной крышки. Одним сильным, точным движением девушка водворила её на место. И так же, как появилась, она сделала шаг в сторону, в поток людей, и растворилась. Её силуэт просто потерял чёткость, стал прозрачным, как дымка на морозе, и слился с воздухом.

Мужчина, не прерывая своей тирады про инвестиции и идиотов, спокойно прошёл по тому месту, где только что была девушка с крыльями. Его брендовый ботинок ступил точно в центр крышки, которая даже не дрогнула. Егор стоял всё ещё с поднятой, замерзающей рукой. Холодный пот выступил у него под рубашкой, мгновенно сменив утреннюю спешку на леденящий ступор. Он оглянулся по сторонам, но ни один прохожий не замедлил шаг, не обернулся и не ахнул. Мир продолжал крутиться с прежней скоростью. *Но я видел. Я точно видел,* – эта мысль металась у Егора в голове, пока он, ошарашенный, плёлся к «Башне».

Спустя неделю Егор зашёл в «На виду» не голодным, а вымотанным до последней нервной нити. Последние дни медленно превращались в невнятный кошмар наяву. Ночные бдения за чтением книг сменились настоящими бессонницами, когда он лежал в постели, на мокрой от пота простыни, вглядываясь в потолок. Едва Егор закрывал глаза, как за опущенными веками проплывали обрывки тревожных, невнятных снов, где он вечно опаздывал, вечно терял что-то и стоял в долгих очередях.

После бессонных ночей голова гудела тупой болью, будто её набили ватой.

Он машинально зашёл в кафе, и первое, что его взгляд, острый от паранойи, выхватил – тот самый угол у окна. Они были там: те же двое. Раньше он не замечал этих посетителей кафе, просто не обращал на них внимания. Но сейчас каждый раз, когда он заходил пообедать, они уже были здесь, словно ожидали его. Спокойные, будто вросли в это место. Просто двое мужчин, один – в том же свитере, лениво копающийся в телефоне, другой – в строгой рубашке, каждый день в новой, внимательно изучающий что-то на планшете.

Егор направился к «своему» столику в центре зала, намереваясь заказать самый крепкий кофе вместо привычного чая, но, подойдя ближе, он не смог заставить себя сесть. Напротив, за большим столом, который втиснули в проход, разместилась компания: пять элегантно одетых людей. И у всех у них были крылья.

Крылья были не призрачные, не мелькающие, а полностью материальные, живые, занимающие пространство. Они были разные: пёстрые совиные, белоснежные лебединые и серпо-

видные стрижиные, кожистые и просто серые перьевые. Все они были выдержаны в природной цветовой гамме и, хоть и крупные, крылья были соразмерны человеческой фигуре. Пять существ громко, перебивая друг друга, разговаривали.

— Главное, кто с кем потом уехал, — хохотнул один из них.

— Ой, ну это уже совсем секретная информация! — засмеялась женщина, и её крылья, похожие на крылья стрижа, сложились ещё плотнее.

Они пили кофе, ели десерты, обсуждали прошлогодний корпоратив и служебные романы. Егор замер, не в силах оторвать взгляд. Его пальцы сжали спинку стула так, что побелели костяшки на руках. Реальность, уже давшая трещину, с грохотом развалилась на две несводимые части: в одной – обычное кафе с обычными людьми, в другой – вот *это*.

Он не знал, сколько простоял так – секунду или минуту. Его тело было ватным столбом, а мозг лихорадочно пытался перезагрузиться. Именно его неподвижность, его бледное, искажённое лицо и остекленевший взгляд, прикованный к компании, привлекли внимание: женщина с серыми крыльями заметила Егора. Её улыбка медленно сползла с лица, сменившись лёгкой озадаченностью, когда она увидела перед собой молодого человека со стеклянным взглядом. Парень ничего не говорил, но его тонкие губы двигались, будто он хотел что-то сказать. Она внимательно посмотрела на Егора, потом мельком оглянулась на своих спутников, словно проверяя, не они ли причина этого разглядывания.

— Молодой человек, с вами всё в порядке? — спросила она. — Вам помощь нужна?

Её голос, ровный и спокойный, пробил его ступор. Вслед за её взглядом один за другим повернулись и все остальные. Пять пар глаз уставились на Егора. И за их спинами, будто в унисон, крылья совершили едва заметные, непроизвольные движения: перьевые взъерошились, кожаные натянулись. Существа не понимали, что Егор видит их крылья. Для них он был просто странным, побледневшим парнем.

Этот коллективный взгляд добил его. Существа не скрывались и их крылья не исчезали. Мужчины и женщины за столом сидели и смотрели на него с человеческим, пусть и вежливо-отстранённым, вопросом в глазах. А за их плечами – возвышались крылья.

Егор дёрнул головой, резко, как марионетка в руках кукольника, и его собственный голос прозвучал чужим, скрипучим и безжизненным:

— Нет. Всё… Всё в порядке. Помощь… не нужна.

Он сказал это, глядя куда-то в пространство между ними, не в силах встретиться глазами ни с кем из этой пятёрки. Его пальцы разжали спинку стула, и Егор сделал шаг назад, наткнувшись пяткой на ножку стола. Отшатнувшись, он инстинктивно, словно ища хоть какую-то точку опоры в этом рушащемся мире, перевёл взгляд в тот самый угол. Туда, где должны были быть двое «нормальных» мужчин, его случайных свидетелей прошлых дней. Их стол был пуст. Егор оглянулся и увидел тех, кого искал: эти двое стояли у стойки у выхода, уже в верхней одежде, явно собираясь уходить.

Тот, который был крупным и плечистым, смотрел с таким откровенным, нескрываемым раздражением, будто Егор лично испортил ему утро. Губы мужчины были плотно сжаты, брови сдвинуты. А за его спиной, яснее ясного, в насыщенных деталях, которые уже невозможно было списать на игру света, распахнулись два крыла: перьевых, рыжих, с выгоревшими концами, точно таких, как в том первом мимолётном отражении. Рядом с ним стоял статный мужчина в пальто. Его лицо было спокойнее, но взгляд – острый, аналитический, заинтересованный. Образ элегантно одетого мужчины заканчивала хитрая улыбка. Он изучал Егора, как редкий, неучтённый экземпляр. И за его спиной, контрастируя с соседскими, виднелись два других крыла: кожистых, угольно-чёрных, с глянцевым отблеском, как у самой крупной летучей мыши, только в дополнение ко всему – с когтями на концах крыльев. Это были демонические, но совершенно реальные крылья. Егор осознал, что мужчины видели его панику и знали, на *что* он смотрит.

Кровь отхлынула от лица Егора так резко, что в висках застучало, а в глазах поплыли тёмные пятна. Здравый смысл, державшийся на последней нитке, лопнул с тихим щелчком.

Перед ним стояли два крылатых существа, которые смотрели на него, понимая, что он их видит. А за его спиной сидела целая компания таких же, обсуждающая корпоратив. И видит их только Егор, в то время как остальные не обращают внимания на обедающих существ.

Его тело среагировало раньше сознания. Парень резко развернулся, стул с грохотом упал на пол, и Егор рванул к выходу, сбиваясь с пути, едва не задев другой столик. Его единственная связная мысль, пронесшаяся в голове, была яркой, чёткой и отчаянно человеческой: *Психиатр. Мне срочно нужен психиатр. Я схожу с ума.*

Стеклянные двери кафе «На виду» хлопнули за спиной Егора с таким звуком, будто отсекли его от последнего островка здравомыслия. Он вырвался в людный коридор торгового центра и побежал. Он не видел пути, его вело одно желание: спрятаться. Туда, где нет зеркал, нет больших окон, нет любопытных взглядов. Инстинкт, древний и панический, вывел его из основного потока покупателей, и Егор свернул за угол с рекламой скидок на бытовую технику. Он вбежал в узкий, плохо освещённый коридор и толкнул дверь с табличкой с пиктограммой человечка, указывающую на мужской туалет. Запах здесь сменился на едкий, химический – пахло хлоркой, дешёвым освежителем воздуха и подгнившей влагой из неисправного слива. Гул торгового центра доносился приглушённо.

Егор прислонился к холодной кафельной стене лбом, закрыл глаза и почувствовал, как сердце колотилось где-то в горле, с каждым ударом выбивая из головы обрывки мыслей: *психиатр, больница, уколы, тихая палата с мягкими стенами…* Всё это он ясно видел перед глазами, точно так же, как и крылья окружавших его существ в кафе.

Внезапно сильная рука схватила его за ворот скромного пиджака. Материал одежды затрещал, и рука, развернув спиной к стене, с силой толкнула Егора. Рывок был нечеловечески сильным – Егор оторвался от пола на сантиметр и с глухим стуком ударился спиной о кафельную стену. Он хотел что-то сказать, крикнуть, но из горла вырвался лишь сдавленный стон.

И в этот миг, откинувшись назад от удара, Егор увидел: рыжие крылья «взорвались» в тесном пространстве мужского туалета. Размах был чудовищным для такого узкого места. Правое крыло с громким шелестом упёрлось в противоположную стену, содрав плакат о правилах мытья рук. Левое, взметнувшись выше, заблокировало потолочную лампу-плафон. И оба этих крыла нависли над Егором, образуя душный, тёплый, пахнущий пылью и чем-то диким, как осенний лес после дождя, кокон. Спустя секунду, за спиной рыжего, вспорхнула вторая пара крыльев. Тот самый элегантно одетый мужчина резко расправил свои чёрные крылья с коротким, сухим хлопком. Крылья были того же размера и казались плотнее. Глянцевые, как свежеуложенный асфальт, они упёрлись острыми когтями на сгибах в стены. Перепонки были натянуты до предела, пронизанные сеткой тёмных прожилок.

В напряжённой позе этих существ читалась не агрессия, а паническая готовность к обороне. Егор быстро осмотрел их крылья и стал замечать детали: вот сломанное перо в левом крыле рыжеволосого, торчащее под неестественным углом, а у второго на чёрном хитине видны царапины и затягивающаяся ранка. Тёплый, живой запах, идущий от распахнутых крыльев, смешивался с химической вонью туалета, создавая невыносимый коктейль.

Лицо того, который был крупнее, было в нескольких сантиметрах от лица Егора. Глаза, обычно лениво-насмешливые, к которым Егор уже привык во время каждодневных встреч в кафе, теперь пылали. Мужчина внимательно рассматривал Егора, как будто хотел увидеть ответ в его зрачках.

— Тебя как звать? — голос прозвучал негромко, но с такой сдавленной силой, что каждое слово било по барабанным перепонкам, как молоток.

— Егор, — выпалил парень, оглушённый первым вопросом.

Он ожидал угроз, ожидал обвинений, но никак не знакомства.

— Я Дима, а это – Никита, — Дмитрий указал взглядом на друга, а тот лишь кивнул в знак знакомства. — Ты чего так убегал? Что видел?

Егор попытался сглотнуть, но во рту всё пересохло. Он мотнул головой короткими, судорожными движениями, отбивавшими ритм его бешеного сердца. Губы шевелились, но выдавали лишь беззвучный шёпот:

— Я… Ничего… Я ничего не видел… Отпустите, пожалуйста…

Дима небрежно встряхнул его. Движение было несильным, но достаточным, чтобы голова Егора стукнулась о кафель. Головная боль, беспокоившая парня с утра, усилилась и волной прошла от затылка к вискам.

— Ничего? — прошипел Дима, и его крылья дёрнулись, сдвинувшись на сантиметр, ещё больше сузив и без того крошечное пространство. Перья зашелестели, как сухие листья. — А на кого там в кафе пялился, а?

— Ни на кого… Я… Перепутал… — лепетал Егор, отводя взгляд.

Он не мог смотреть на это лицо, на эти крылья, на этих двоих, которые устроили ему допрос в туалете. Его взгляд упал на пол, на чистую плитку помещения и на ботинок Дмитрия – простой грязный кроссовок.

— Я… Я никому не расскажу, — выдохнул он, почти беззвучно, в пол. — Клянусь.

Повисла тишина, в которой было слышно дыхание крылатых мужчин.

— Блять… — тихо прошептал Никита, когда он осознал оплошность Егора.

Дима пристально вгляделся в глаза Егора. Его губы изогнулись в злобном оскале.

— А о чём, собственно, не расскажешь?

— Ни о чём! Я просто… Я…

Егор не знал, что сказать в своё оправдание. Его взгляд, дикий, ища спасения, метнулся за широкую спину Дмитрия и столкнулся с взглядом Никиты: его лицо не выражало ярости, а взгляд серых глаз был острым, пронзительным, с пониманием катастрофы. Напряжение в тесном пространстве достигло точки кипения. Тишину разорвал сдавленный голос Никиты:

— Дима, хватит.

Дима обернулся и, не отпуская Егора, процедил:

— Он же всё понял! Он сказал «не расскажу»! Он видит!

— И что с того? — голос Никиты стал ледяным и невероятно чётким. — Что ты сделаешь? Он не виноват, что его мозги прошибает наша частота. Отпусти его.

Последняя фраза прозвучала не как просьба, а как команда. Он резко шагнул вперёд, схватил Диму за ворот толстого свитера у самого основания шеи и с силой, которая казалась невероятной для его стройной фигуры, потянул на себя, затем – в сторону. Для Егора это выглядело как лёгкое, почти невесомое движение, но Дима отшатнулся, будто получил удар по коленям. Его хватка ослабла, пальцы разжались. Егор, лишённый давления, остался стоять, прислонившись спиной к холодной стене.

И тут Никита перевёл взгляд на Егора. В одно мгновение его глаза отразили усталость. Он отпустил Димин ворот, и чёрные крылья собрались за спиной с тихим, похожим на выдох, звуком.

— Твоё, — сказал Никита.

Он протянул Егору его портфель и старое пальто, забытые в кафе. Движение было небрежным, но в нём не было ни капли угрозы. Портфель болтался в его руке – привычная деталь офисного работника, выглядевшая нелепо в этой обстановке. Егор машинально, не глядя, взял тяжёлую сумку.

Никита бегло посмотрел на всё ещё взвинченного Дмитрия, потом снова на Егора. Его лицо было каменным, но в глазах на мгновение мелькнуло что-то сложное – вроде досады за всю эту нелепость.

— Уходи, — сказал он просто, без эмоций. И добавил, почти шёпотом, но так, чтобы Егор точно расслышал: — Пока можешь.

После этого он отступил на шаг, освобождая путь к выходу из туалета, к свету, к гулу нормального мира.

Егор медленно, с достоинством, которое сам в себе не знал, оттолкнулся от стены. Он не побежал, а медленно пошёл. Егор прошёл мимо них, сжимая в потной ладони ручку портфеля. Когда дверь туалета хлопнула и человек скрылся в коридоре, Дима и Никита остались вдвоём. Никита внимательно посмотрел на Диму.

— Ты зачем побежал за ним? — внезапно спросил Никита.

— Не знаю, — растерянно признался Дима. — Увидел, что он бежит, и…

— И ты побежал за этим человеком.

— А ты зачем побежал за нами?

— Он вещи забыл в кафе, — ответил Никита. — И я за тобой последовал. Ты хоть понимаешь, что мы… нарушили Табу?

— Знаю. Но об этом никто не узнает, — парировал Дима.

— Очень на это надеюсь.

И с этими словами Никита пошёл прочь из мужского туалета. Он не хотел оставаться здесь.

Глава 3

Прошло ещё две недели с того момента, как Егор удостоверился, что мир не так прост, как казалось. Две недели растянулись в бесконечную череду одинаковых, выцветших дней. Новый год пришёл и ушёл за стеклом телевизора в пустой квартире, оставив после себя лишь послевкусие.

Егор больше не бежал. Он больше не приходил в кафе «На виду», боясь обедать рядом с крылатыми существами. Теперь каждый день парень брёл по промозглым январским улицам, где праздничная иллюминация уже пошла пятнами, а снег превратился в серую кашу. Егор перестал спать: в темноте за закрытыми веками проплывали слишком чёткие картины – перья, перепонки, взгляд Дмитрия, полный немого ужаса. Егор перестал есть: еда казалась безвкусной ватой и застревала в горле. После январских выходных Егор вышел на работу, увидел, как коллега, разговаривая по телефону, приглаживает перья на крыле водянистого цвета, и тогда Егор ушёл, сославшись на отравление.

Егор понимал, что окончательно сходит с ума, но в его безумии была страшная, кристальная ясность. Он видел то, чего не должно было быть. И это «не должно быть» было повсюду: в автобусе, в магазинах, в окнах офисов «Башни», просто на улице и дорогах. Везде, где был Егор, он видел крылатых существ: иногда они куда-то спешили, иногда просто стояли на перекрёстках. Егор не раз видел существ, окружённых чёрной дымкой, которые уверенно шагали к чужим домам. Он видел, как вокруг него появляются и исчезают в воздухе крылатые существа, которые пристально смотрят на людей и незаметно для всех щёлкают пальцами. Это был целый параллельный мир, живущий своей жизнью.

И в тот самый день, когда начальник дал Егору два дня отгула, парень снова брёл по улице. Он шёл в толпе людей по главной улице города, освещённой праздничными украшениями и городскими фонарями. Со стороны казалось, что молодой человек просто наслаждается прогулкой и слушает шум города. Но никто не знал, что Егор идёт следом за крылатыми, заметив, что некоторые из них движутся в одном направлении.

В этот вечер, когда холод проел пальто насквозь, а ноги сами несли его по улицам центра города, Егор завернул в переулок и упёрся взглядом в дверь. Она была неприметной, чёрной, встроенной в арку между булочной и круглосуточным ломбардом. Здесь не было никакой вывески. Горел только крошечный, светящийся красным неоном символ у глазка – стилизованное птичье гнездо. Из-под двери лился тёплый свет и доносились приглушённые звуки музыки. Инстинкт самосохранения, уже давно ослабевший, прошептал: «Не надо», но внутри Егора что-то надломилось. Сейчас ему было безразлично, что может произойти.

Он толкнул дверь и вошёл внутрь.

Тёплый воздух ударил в лицо, неся в себе коктейль запахов из старого дерева, воска, дорогого табака, кожи и духов. Егор шагнул внутрь, и как только дверь за ним захлопнулась, парень широко распахнул глаза и приоткрыл рот от удивления. Он застыл на пороге и смотрел.

Ранее Егор бывал в баре всего раз, на втором курсе. Это был дешёвый паб с липкими столиками и громкой попсой. Он продержался там пятнадцать минут, а затем, смущённый кричащим весельем и парой девушек, чьи оценивающие взгляды скользили по мужчинам в баре, сбежал, чувствуя себя чужаком.

Но сейчас всё было по-другому. Бар «Гнездо» не был похож ни на что из его скудного опыта. Это была не локация, а пещера, спрятанная среди неприметных зданий. Низкий, сводчатый потолок из тёмных кирпичей терялся в дымке. Под самой крышей виднелись маленькие окошки, через которые сейчас были видны неярко мерцающие звёздочки. Свет рождался не из люстр, а из множества старинных ламп, бра и даже фонарей, расставленных на полках, стойках

и в нишах. Они создавали не ослепительное сияние, а десятки островков – тёплых, янтарных, интимных. В этих островках и жила барная жизнь.

И повсюду были *они*. Первое, что бросилось в глаза – это плавные спокойные движения танцующих. На небольших возвышениях девушки в блестящих костюмах – едва прикрывавших ягодицы и грудь – с перепончатыми, прозрачными крыльями стрекоз за спиной, плавно перетекали из одной позы в другую. Их движения были не похожи на откровенные танцы – это был медленный, почти ритуальный гипноз. Крылья их вибрировали, отливая всеми волшебными цветами, создавая вокруг них сияющий, неземной ореол. Егор почувствовал не смущение, глядя на полураздетых танцовщиц, а ледяной укол трепета: это было слишком красиво. Девушки танцевали, будто это были не просто движения, а всё их существо, и в их движениях не было пошлости, а лишь плавность и грация.

Барная стойка, массивная, из тёмного дуба, была облеплена существами. В глубине, на низких диванчиках, в полумраке, мелькали силуэты целующихся пар, которые своими крыльями закрывали себя от окружающих. На танцполе двигались существа, но их танцы были спокойными, будто танцующие боялись, что их кто-то увидит, но в то же время движения оставались откровенными и даже нескромными.

А за самой барной стойкой царствовал хозяин этой пещеры – бармен. Мощный, лысый, с окладистой чёрной бородой и усами. Его руки были покрыты сложными татуировками, а на пальцах сверкали перстни. За его плечами покоились два самых внушительных аксессуара в баре: огромные, кожаные крылья летучей мыши с жёсткими, надломанными когтями на сгибах. На этих крыльях, словно на холсте, были набиты причудливые татуировки молочного цвета – сложные геометрические узоры, руны, стилизованные птицы и деревья. Они светились белым цветом в свете ламп. Бармен ловко жонглировал шейкером, не обращая внимания на то, что его крылья, при каждом движении, отбрасывали на полки с бутылками пляшущие тени.

Бар был полон. Это был не хаос студенческой пивнушки, а сложный, живой мир из тел, крыльев, теней и света. Существа здесь не скрывались и были собой, им не нужно было вести себя как люди, здесь они могли быть живыми и настоящими, со всей им присущей откровенностью, силой и магией.

Егор сделал шаг вперёд, потом ещё один, механически, как лунатик. Егор слышал шёпот. Не громкий, не злобный, а удивлённый.

— Это человек?

— Может, вырвал и отращивает новые?

— Да нет, это точно человек!

— Вот чудак!

Егор видел множество взглядов, прикованных к нему, но никто из присутствующих не преграждал ему путь, а вскоре существа и вовсе забывали о нём, поглощённые своими развлечениями.

Егор дошёл до барной стойки. Массивный дуб казался единственной твёрдой вещью в этом плавучем мире теней и полутонов. Он поставил ладони на прохладную столешницу, ощущая под пальцами трещины и царапины. Бармен с татуированными крыльями закончил смешивать коктейль, поставил бокал перед ожидающей Тенью и посмотрел на Егора. Глаза у бармена были маленькие, проницательные, цвета тёмного мёда. Он окинул Егора беглым, профессиональным взглядом: помятое пальто, бледное, невыспавшееся лицо, пустые руки, и отсутствие самого главного атрибута за спиной. Во взгляде бармена не было ни тревоги, ни подозрения. Была спокойная констатация факта: гость без крыльев.

— Друг, — голос бармена был низким, бархатистым, идеально вписывающимся в общий гул. — Что тебе налить? Протянуть руку помощи или, наоборот, помочь забыться?

Егор сел на высокий барный стул и поднял глаза на доску, где были написаны названия коктейлей. Он сидел неподвижно, вчитываясь в их названия: «Последний шанс», «Полёт», «Поцелуй Жнеца»... Он не знал этих напитков.

— Крепкого, — внезапно для себя выдавил он, и его голос прозвучал хрипло.

Бармен кивнул, получив самый обычный заказ. Сам же Егор задумался: он не имел никакого опыта в употреблении горячительных напитков и сейчас, заказав «покрепче», он не знал, чего ожидать. Рядом, на соседних стульях сидели две Тени с переливчатыми крыльями. Они переглянулись, вежливо отхлебнули из своих бокалов и, не спеша, поднялись. Тени отошли к дальнему диванчику. Мало ли что у этого странного типа на уме, раз он решил появиться здесь в таком виде.

Бармен между тем достал гранёный стакан для виски, наполнил янтарной жидкостью из бутылки без этикетки и поставил перед Егором. Запахло дымом, дубом и чем-то горьковатым, лекарственным.

— С первым визитом.

И затем, движением, полным необъяснимой, почти отцовской заботы, он протянул через стойку маленькую фарфоровую тарелочку, на которой лежали пять аккуратных кубиков сыра, два крекера, горсть орешков и зелёная оливка на зубочистке.

— На закусь. На пустой желудок – вредно.

Этот жест, такой земной, такой человеческий в этом скопище крылатых существ, окончательно сбил Егора с толку. Бармен не спрашивал, кто он и как попал сюда. Он просто делал свою работу. Бармен предполагал, что раз гость здесь – значит, имеет право. А отсутствие крыльев… Ну, бывает. Может, вырвал, может – стыдится. Может, просто день такой. Потом разберётся.

Егор взял стакан. Он поднял его и посмотрел сквозь тёмно-янтарную жидкость на искажённый мир бара. Затем сделал первый, долгий, обжигающий глоток. Напиток прошёл по горлу, разлился в груди, и мир на секунду стал резче. Тут же у Егора закружилась голова. Жидкий огонь растёкся по жилам, на секунду отогнав ледяное оцепенение. Парень поставил стакан, взял зубочистку с оливкой, но так и не сунул её в рот. Он повернулся на барном стуле, облокотившись локтем на барную стойку. И его взгляд, скользнув по полумраку диванчиков, наткнулся на знакомые силуэты.

Сначала Егор увидел Диму – крупный, с огромными рыжими крыльями, в тёмно-бордовом пуловере и, на этот раз, в аккуратных, будто новых, джинсах. Он сидел, подавшись вперёд. Перед ним стояла кружка с тёмным пивом, со следом пены на стекле. Дима смотрел прямо на Егора. Его лицо, обычно выражавшее лишь скуку или раздражение, сейчас было искажено. Губы, приоткрытые, беззвучно сформировали лишь одно слово: «Сука». Егор не умел читать по губам, но сейчас он точно был уверен, что правильно понял произнесённое шёпотом. Взгляд Дмитрия был пустым, как у человека, наблюдающего неминуемую катастрофу.

Рядом с ним, на том же диване, по обе стороны сидели две девушки. Обе они выглядели молодо. У брюнетки, сидящей слева, были чёрные вороновые крылья и дымка, стелящаяся по ногам. Она сидела к Диме чуть ближе, чем вторая, и Егор понял, что своим появлением перед их глазами прервал какой-то интимный разговор. По другую сторону от Димы расположилась стройная блондинка с маленькими белыми крылышками, которые слегка виднелись из-за спины. Она первой заметила перемену во взгляде Димы, посмотрела в ту же сторону, что и он, и затем увидела Егора. Её взгляд выражал чистое, неподдельное недоумение. Она, заметив, что человек без крыльев смотрит на них в упор, выдавила из себя вежливую улыбку.

Егор почувствовал ощущение, которого раньше никогда не испытывал: где-то внутри, в грудной клетке, кольнуло, а лицо тут же стало горячим. Блондинка, сидящая рядом с Димой, была так красива, что Егор пропустил вдох.

Дима повернул голову на девушку. Он придирчиво её осмотрел с ног до головы, а потом снова перевёл взгляд на Егора. Дима усмехнулся, а затем обернулся к брюнетке с вороновыми крыльями и что-то ей сказал. Девушка поднялась на ноги и, подхватив свой бокал, отошла в сторону.

Справа от блондинки, в кресле, непринуждённо расположился Никита. Он был расслаблен, но всё равно оставался статным. На нём были идеально сидящие чёрные брюки и рубашка глубокого тёмно-синего, почти чёрного цвета, но из мягкой, дорогой ткани, с расстёгнутыми двумя верхними пуговицами – признак тусовочной небрежности. Перед ним на низком столике стояла наполовину пустая бутылка односолодового виски с лаконичной этикеткой и тяжёлый гранёный стакан. Никита был пьян – его взгляд был мягким, блуждающим, со снисходительной, чуть затуманенной теплотой. Увидев Егора, он не напрягся. Уголки его губ дрогнули, сложившись в лёгкую, почти приятельскую улыбку. Никита медленно сделал небольшой глоток из стакана, не сводя глаз с Егора.

Егор замер. Эти двое были его единственной ниточкой в этот мир, единственные, кого он знал. Дима продолжал смотреть на Егора взглядом приговорённого. Девушка, всё ещё не понимая, но уже чувствуя напряжение, замерла.

И тогда Никита поднял руку, не резко, а плавно, как дирижёр, задающий новый темп, и помахал Егору лёгким, почти дружеским движением. Помахал, как знакомому, которого заметил в толпе и подзывает к себе. Для Егора этот жест стал последней каплей, переполнившей чашу абсурда. Парень посмотрел на свой полупустой стакан и тарелку с закуской. Он медленно, с преувеличенной аккуратностью, взял стакан в одну руку, тарелку – в другую, и направился к столу крылатых существ. Он чувствовал на себе десятки взглядов. Слышал сдавленный смешок где-то справа. Краем глаза увидел, как бармен приостановил полировку бокала и наблюдал за ним с интересом.

Егор остановился в двух шагах от стола. В руках он сжимал своё скудное имущество как щит. Он смотрел на Диму, ожидая удара или грубого вопроса. Парень хорошо помнил, как в тот день, в мужском туалете, Дима с силой толкнул его в кафельную стену. Но вместо этого Дима поднялся с дивана и молча протянул ему руку для рукопожатия в знак приветствия. Жест был неуклюжим, вымученным, как у человека, выполняющего противоестественный для него ритуал. Егор замер, глядя на эту протянутую ладонь, но быстро сообразил и поставил тарелку на край стола. Освободив правую руку, обменялся рукопожатием с Димой. Ладонь Дмитрия была сухой, тёплой и очень твёрдой. Рукопожатие было коротким, без лишних эмоций. Дима обвёл взглядом стол, собираясь что-то сказать, вероятно, предложить сесть, найти хоть какие-то слова…

И в этот самый миг тяжёлая, обитая стальными накладками дверь «Гнезда» с грохотом распахнулась, ударившись о кирпичную стену. Глухой звук прокатился по залу, заглушив музыку. Дверь, описав короткую дугу, врезалась в стену, осыпав штукатурку. Танцующие Тени застыли, с недоумением глядя на вошедших.

В проёме стояли восемь фигур в одинаковых тёмно-серых форменных плащах с высокими стойками. Их лица были скрыты в тени капюшонов, но поза, ширина плеч, жёсткая постановка ног кричали об одном – это были Агенты. Тени знали, что это сотрудники Службы контроля за аномалиями. И чуть впереди, всего на полшага, стоял девятый. Его плащ был чуть темнее, почти чёрным, без лишних складок. Капюшон был откинут, открывая бритое лицо мужчины с холодным взглядом. Егор не знал, кто это, но он услышал шёпот блондинки:

— Отдел Порядка и Инквизитор!

Только сейчас Егор заметил, что музыка стихла, а Тени оторвались от своих развлечений. Целующиеся пары расправили крылья и внимательно смотрели на вошедших. Многие существа поставили свои стаканы на столики, а некоторые из них благоразумно отошли к стене.

Дима оглянулся по сторонам и заметив брюнетку, которая отошла от стола, поднёс руку к уху и шепнул ей так, что весь зал услышал:

— Я тебе позвоню!

Не успела она ответить, как тишину разорвал голос Инквизитора:

— Всем оставаться на местах! Осветить помещение! Проверка! Всем приготовить документы!

Он отдал приказ, и его подчинённые уже начали движение, вливаясь в зал, как серая, разливающаяся вода. Их крылья – у всех одинаковые, перьевые, тёмно-графитового цвета – были плотно сложены, но готовы расправиться в любой момент. В баре на секунду воцарилась тишина, полная шока. Секундой спустя раздался звук разбитого стекла – кто-то уронил бокал.

— Сейчас, сейчас, господа, всё включу! — раздался бархатный голос бармена.

Егор повернулся на его голос. Бармен не выглядел испуганным. Скорее, он был раздражён, как хозяин дома, у которого в гостиной нагадила чужая собака. Его огромная рука с татуировками потянулась под стойку, к неприметному щитку. Раздался щелчок, но вместо того, чтобы залиться ярким светом, половина ламп в баре погасла. Потухли именно те, что освещали центральные проходы и вход. «Гнездо» погрузилось в ещё более густой, рваный полумрак, где островки света от оставшихся бра и ламп создавали не освещение, а идеальные условия для неразберихи.

Этого намёка хватило. Бар, секунду назад застывший, взорвался движением. Это не была паническая давка. Это был сознательный, почти весёлый саботаж. Существа в едином движении вскочили со своих мест и ринулись кто куда. Егор только и успевал глядеть с нескрываемым восторгом на движущиеся тела.

— Ой, извините, не видел в темноте! — крикнул кто-то громко.

Егор только успел заметить, как широкое крыло цвета воронёной стали резко махнуло, но не для удара, а создавая мощный, слепящий поток воздуха и поднимая тучу пыли с пола. Агент, на которого оно было направлено, даже не пошатнулся, но инстинктивно зажмурился и отвёл голову, на мгновение потеряв ориентацию и контроль над своим сектором. Этого было достаточно, чтобы пара Теней проскользнула мимо него в темноте и направилась во двор.

— Проверьте меня первую, я вся дрожу от нетерпения! — со смехом крикнула одна из танцовщиц и, сделав пируэт, буквально налетела на другого Агента в плаще, не атакуя, а обвивая его руками в театральных объятиях, намертво блокируя ему движение и обзор.

Со всех сторон поднялся гвалт, смех, притворно-возмущённые крики. Существа, те самые, что пару минут назад мирно пили и болтали, теперь разбегались, но не со страхом, а с озорными, дерзкими ухмылками. Они толкали друг друга, создавая живую, движущуюся стену. Никто не знал, зачем явились Тени отдела Порядка, но саботировать формальную проверку, не переходя в прямое неповиновение – было старым, почти спортивным развлечением. За это не накажут.

Дима и Никита сразу осознали, что нужно исчезнуть в этом кратком, искусственно созданном хаосе, потому что у них, в отличие от веселящихся саботажников, было что скрывать. Им было не до смеха. Дима первым сорвался с места. Его движение было не паническим, а резким, точным, как у хищника, учуявшего капкан. Он тут же схватил рядом сидящую блондинку за руку и потащил её вдоль стены, используя тени и суматоху как прикрытие.

Никита поднялся вслед за ними, но перед тем, как двинуться, его длинные пальцы скользнули в карман брюк и выудили оттуда аккуратную, хрустящую купюру. Не глядя, лёгким, почти небрежным движением запястья он подбросил её в воздух, а движением крыла создал поток воздуха. Купюра, вращаясь, плавно опустилась на стойку, прямо перед барменом. Это была благодарность джентльмена за тишину, за понимание, за предоставленную лазейку. Бармен, не отрываясь от наблюдения за хаосом, краем глаза отследил падение денег и едва заметно кивнул в сторону Никиты. Только после этого Никита отшвырнул пустой стакан в сторону, где

тот разбился о пол с приглушённым звоном. Его фигура скользнула следом за друзьями, ловко лавируя между креслами и спинами мельтешащих Теней.

И тут Егор понял, что его бросают. Что эти двое, эти существа из его кошмара, сейчас исчезнут в хаосе, и он останется один среди крылатых незнакомцев. Инстинкт самосохранения, заглушенный шоком и несколькими глотками крепкого алкоголя, взревел внутри.

— Стойте! — хрипло выкрикнул он.

Дима первым влетел в узкий, освещённый тусклой лампочкой коридор, ведущий к туалетам. Он рванул ручку неприметной металлической двери с табличкой «Для курящих». Дверь с лёгким скрипом открылась, впустив струю морозного, горького от табака воздуха. Они вывалились в крошечный, замкнутый со всех сторон внутренний двор-колодец. Под нависающими пожарными лестницами стояли четыре Тени, которые ещё не знали, что происходит в баре. Они обернулись на шум, а их крылья дёрнулись от удивления.

Егор выскочил следом за знакомыми, захлопнул дверь и прислонился к ней спиной, ловя ртом ледяной воздух. Он увидел Диму и Никиту, уже отбежавших к центру двора. Их взгляды скользили по стенам, по крышам, высчитывая траекторию. Девушка замерла рядом, бледная, её руки беспомощно сжались в кулаки.

И тут страх, сжатый в тугой ком, прорвался наружу:

— Не бросайте меня здесь! Возьмите с собой, пожалуйста!

Едва последнее слово сорвалось с его губ, Дима и Никита оттолкнулись от земли и взмыли вверх. Их крылья – рыжие перьевые и чёрные кожаные – распахнулись одновременно с глухим хлопком, выбивая из-под них клубы пыли и окурков. Они поднялись в воздух, ещё не успев осознать слова Егора.

Девушка, оставшаяся внизу, инстинктивно, почти не думая, метнулась к Егору и вцепилась ему в плечо цепкой хваткой.

— Я – Юля. Держись! — крикнула она, и её собственные белоснежные крылья забились в судорожной попытке оторваться от земли.

Но ей не хватало сил, чтобы приподнять хотя бы себя, а с грузом в виде Егора крылья лишь бессильно хлопали. Дима и Никита, уже набрав высоту, оглянулись вниз именно в этот момент. Их взгляды, полные расчёта и готовности бежать, упали на прикованную к земле пару. И в ту же секунду дверь, ведущая в бар, распахнулась. В проёме, заливаемые светом из коридора, стояли двое из отдела Порядка.

Наверху, у края крыши, Дима и Никита не совещались. Они видели одно и то же: дверь, врагов и прикованных к земле Юлю и Егора. Никита, находившийся чуть выше, сложил крылья и камнем ринулся вниз. Это не было падением – это было пике, управляемое и стремительное. Воздух засвистел у него в ушах, чёрные перепонки прижались к телу, превращая его в тяжёлую, остроконечную стрелу.

Дима сделал размашистую дугу и зашёл на Юлю сбоку. Он врезался в неё на скорости, обхватив одной мощной рукой вокруг поясницы, а другой под коленями, и тут же, не сбавляя инерции, рванул вверх. Юля вскрикнула от неожиданности и боли, но её руки сами обвили шею Димы. Его крылья, уже набравшие ход, с тяжёлым гулом отработали вверх, вырывая их из зоны досягаемости.

Никита даже не приземлялся на землю. Он на лету подхватил Егора, обхватив его руками за грудную клетку, и Егор почувствовал, как он повис ногами вниз в руках Никиты.

— Взлетаем! — только и успел рявкнуть Никита прямо в ухо парню, и Егор почувствовал, как земля уходит из-под ног.

Егор повис в этой железной хватке, ноги болтались в пустоте, а холод мгновенно обжёг. Он коротко вскрикнул, когда посмотрел вниз, но поток воздуха тут же заглушил этот звук. Внизу раскинулся ночной город: это была чернильная чаша, усыпанная россыпями огней –

жёлтые квадраты окон, красные нити фар в пробках, синие и зелёные неоновые вывески. «Башня» сияла вдалеке холодной иглой. Он видел крошечные фигурки людей на тротуарах и игрушечные машины.

А Никита уже нёсся вперёд, лавируя между зданиями. Алкоголь в его крови, казалось, не замедлял, а обострял рефлексы, добавляя дерзости. Они пронеслись так близко к кирпичной стене соседнего дома, что Егор инстинктивно втянул голову, чувствуя холод от кирпичей. Резкий вираж вправо – и они проскочили в узкий разрыв между двумя крышами, где ветер завыл с силой реактивного двигателя. Егор зажмурился, но тут же открыл глаза: Никита, сложив крылья, нырнул в тень под аркой старого моста и вынырнул с другой стороны.

Ветер выл и рвал слёзы из глаз. Огни города сливались в цветные полосы, здания не стояли на месте. Никита летел как хищная птица – резко, используя каждую воздушную тягу, каждую впадину в городском ландшафте, чтобы набрать скорость или резко сменить направление.

Городской пейзаж начал меняться. Ослепительные неоновые нити центра остались позади, сменившись более редкими, жёлтыми точками уличных фонарей. Высотки уступили место коробкам панельных девятиэтажек, затем пятиэтажкам с тёмными окнами. Они летели над спальными районами – бесконечными, однообразными, погружёнными в дрёму. Контраст был оглушительным: после кипящего светом центра здесь царила молчаливая тишина, прерываемая лишь далёким воем поезда и редкими одинокими огоньками в окнах. Ветер в лицо был уже не таким яростным, но холод пробирал до костей. Егор трясся в хватке Никиты мелкой, неконтролируемой дрожью, зубы выбивали дробь.

Дима и Никита поравнялись.

— Ты почему не сказала, что летать не умеешь? — наконец спросил Дима у Юли. — Мы ведь могли бы и улететь, думая, что ты сзади.

— Но заметили ведь, — спокойно ответила Юля.

Высота её не беспокоила, а в руках Димы она чувствовала себя безопасно.

— Никита, ты как? — спросила девушка, видя, что Никиту «мутит».

Никита молчал. Его начала одолевать тошнота, а такие быстрые полёты лишь добавили головокружения. Сейчас единственное, что он хотел, – это освободить свой желудок и лечь спать, ведь другого способа протрезветь для Теней не было.

— Нормально он. Не первый раз и не последний, — ответил Дима за друга, а потом обернулся к нему, — к тебе!

Мужчина кивнул и полетел быстрее, указывая дорогу. Последние огни спального района остались позади, словно угасающие угольки. Здесь, над полями и перелесками, затянутыми снежным саваном, ветер был иным. Не порывистым, городским, а ровным, леденящим потоком, текущим из ночной бездны. Он выл в ушах Егора низким гулом, заглушая всё – и тяжёлое дыхание Никиты, и шелест крыльев. В городе Никита лавировал, но здесь, в чёрной пустоте, он перестал петлять и делать резкие виражи. Чёрные крылья, наконец, расправились во всю свою мощь и замерли в почти неподвижном, идеально выверенном угле. И Тени с человеком понеслись вперёд.

Глава 4

По широкому коридору Санктума двигались двое: госпожа Судьба и Хранитель Люциан. Они опаздывали на собрание, которое вот-вот должно было начаться, но не спешили – им ещё нужно было многое обсудить. После того как произошёл ночной инцидент в баре «Гнездо», каждому из Могущественных пришло уведомление о необходимости явиться на Совет.

Госпожа Судьба шагала вперёд без лишней спешки. Почти никто и никогда не видел, чтобы эта женщина быстро ходила или быстро думала. Она появлялась именно тогда, когда её вмешательство было необходимым. Восемьсот лет назад, когда она становилась Тенью, Судьба выбрала образ молодой женщины в расцвете сил. Её рыжие вьющиеся волосы были собраны в высокую причёску и локоны опускались на плечи. После того, как Судьба прошла инициацию и стала Могущественной, она сменила свои невзрачные тёмные крылья на более крупные – белые, с длинными перьями, где в основании каждого пера была вплетена золотая нить, а из костяных выступов выглядывали серые шипы. Сейчас, во время походки, крылья оставались неподвижными, а самые нижние перья аккуратно ложились на пол. Это был не просто орган для полётов. Госпожа Судьба несла эти крылья как знамя, как символ её власти.

Хранитель Судьбы – её главный помощник и верный друг Люциан – шёл на полшага позади. Он следовал не как служитель, а как тот, кому Судьба могла доверить самое сокровенное, что у неё есть. На первый взгляд это был молодой двадцатилетний юноша. На нём был надет безупречный тёмно-серый трёхчастный костюм, сшитый по модели двадцатого века, и галстук в серебристую полоску. Его светлые волосы были уложены назад и ни одна прядь не выбивалась из-под лака.

Увидев его на пороге, Судьба довольно усмехнулась: когда Люциан был вне Санктума, он предпочитал более свободный вид, например, носил фиолетовые взъерошенные волосы или простую повседневную одежду. Но в такие дни, когда в Санктуме собирался Совет, Судьба требовала выглядеть представительно. С этим у Хранителя не было проблем: его особенной магической способностью, которой не было ни у кого, даже у Могущественных Теней, был навык смены внешности усилием магии. Для этого Люциану не требовалось никаких лишних усилий – кроме щелчка пальцами и собственного желания. Серые кожистые крылья Люциана оставались так же неподвижны, как и крылья Судьбы. Они едва касались земли, а когти на основании двух крупных суставов были изогнуты, отчего визуально создавали чёрный нимб над головой.

Двери в зал Совета уже виднелись вдалеке. Когда госпожа Судьба и Люциан ступили на мраморный пол, женщина тут же оглянулась на Хранителя.

— Есть какие-то происшествия? — шёпотом спросила Судьба.

Она намеревалась узнать информацию и не хотела, чтобы кто-то услышал, что её Хранитель знает больше, чем она. По мнению других Могущественных – старшие по званию Тени должны были первыми узнавать всё, что происходило в их мире. И только госпожа Судьба могла позволить себе не вникать в дела, оставив Люциана за главного в отделе.

— Архивы Канцелярии целы, наши библиотеки закрыты, — отчитался Люциан, — ничего не горело, не тонуло и не пропадало. Отчёты приходят вовремя, статистические погрешности из Канцелярии есть, но не более.

— А что-то неофициальное? Сплетни, слухи, может, твой друг-тюремщик что-то сболтнул?

Люциан замешкался с ответом. Неприязнь Судьбы к отделу Покоя не была ему понятна. Особенно, с учётом того, что тот самый «друг-тюремщик» уже однажды помог Судьбе провернуть одно дельце.

— Хранитель Покоя не тюремщик, — уточнил Люциан. — И он мало болтает.

Ему хотелось ускорить шаг, и порой он равнялся с ней, но вовремя спохватывался о негласном этикете и тормозил, позволяя Судьбе быть на шаг впереди.

— Шепчут о погоде, — продолжил говорить Люциан. — Отдел Мира в ярости – не могут найти причину. Поговаривают, начались несезонные перелёты птиц, что может привести к нарушению экосистемы. А, ещё! — вспомнил Люциан и чуть ли не вприпрыжку поравнялся с госпожой. — Канцелярия усердно пытается скрыть, что в Бездне переполох: там начался бунт Гнилых, но их вовремя успокоили.

— Бунт Гнилых?

Госпожа Судьба резко остановилась и обернулась к Хранителю Люциану.

— И чего они бунтовали?

Люциан небрежно пожал плечами.

— Да хрен их знает! Они периодически воют о чём-то, но никто не знает, чего они хотят.

Госпожа Судьба задумалась: Гнилые были известны тем, что со временем, проведённым в Бездне, они теряли человеческий облик и память, а потому и теряли возможность говорить. Никто не знал, о чём думают Гнилые, но иногда они рычали и шипели в унисон, будто общались друг с другом.

В кармане Люциана завибрировал телефон. Он достал аппарат, посмотрел на экран и кивком указал Судьбе, что пора идти. Они снова продолжили неспешно двигаться к дверям.

— Постой, что значит «усердно пытается скрыть»?! — возмутилась Судьба. — Канцелярия находится в зоне нашей ответственности! Мы должны, нет, мы обязаны разобраться!

— Да, но Бездна находится в компетенции отдела Покоя. Мы не можем вмешиваться в их дела.

— Гнилые бунтуют, а отдел Покоя молчит?

Люциан прочитал очередное сообщение в чате Хранителей. Не сбавляя шага, он чуть было не подхватил Судьбу под локоть, чтобы не дать ей остановиться, но она сама продолжила идти вперёд.

— Гнилые что-то чувствуют, — небрежно сказал Люциан. — Говорят, они радуются магии, чувствуя её сверху. Кричат и улюлюкают, кто-то пытался вырваться, но Воины подавили бунт.

— Да что ж такое... Ладно, что ещё?

— Вчера был рейд в «Гнездо». Отдел Порядка провёл облаву. Официально – проверка лицензий. Неофициально, по слухам – поиск кого-то конкретного.

— Кто сейчас главный в «Гнезде»?

Они уже приближались к дверям зала Совета и времени на беседу почти не оставалось.

— Всё так же, Тень Григорий. Ранее он был одним из лучших Чтецов в нашем отделе, а сейчас бармен. Он у нас проверенное лицо, не одну сотню лет стоит за стойкой.

Судьба резко остановилась, из-за чего Люциан чуть не наступил на её крыло, но вовремя остановился. Где-то вдалеке раздался звук грома – Судьба разгневалась. Люциан тяжело вздохнул: людям снова придётся искать объяснение, почему ранним январским утром, в такую ясную погоду, гремит гром.

— Постой, в «Гнезде»… И они не соизволили уведомить отдел Судьбы о надвигающейся проверке?

— Это же отдел Порядка! Они никого не уведомляют. Официально имеют право, — Люциан поправил галстук, когда до входа в зал оставалось несколько шагов. — И хочу предупредить: если Совет собирают из-за погоды и проверки в баре, значит, что-то точно происходит.

— Так может, дело в бунте Гнилых?

Хранитель не успел ничего ответить. Двери зала открылись сами собой – их уже ждали. И им двоим оставалось лишь войти внутрь.

Когда госпожа Судьба и её Хранитель оказались в помещении, они убедились, что пришли последними. Зал Совета был белоснежной бездной, в которой не было углов: пол плавно перетекал в стены, а потолок был отражением небосвода. В центре зала стояла трибуна – величественная, из белого мрамора, с неё спускалась позолоченная ткань, закрывающая трибуну. За трибуной стоял Арбитр – самая могущественная Тень существующего порядка. Тот, с кого начался мир Теней и кем, видимо, закончится. Никто не знал его настоящего имени, и казалось, он сам его не помнил – никто не мог достоверно сказать, когда появилась первая Тень. Это был мужчина неопределённого возраста, в мантии, с седой аккуратной бородой и в очках в тонкой оправе. Его крыльев не было видно – он их скрывал, так как в материальном виде крылья были слишком тяжёлыми. Имея неограниченную магию, он с лёгкостью «отключал» крылья, в то время как другим Теням для этого требовались магические усилия.

Перед трибуной Арбитра, в нескольких метрах, находилась небольшая серая платформа. На этой трибуне всегда располагался либо приглашаемый докладчик, либо судимая Тень. Стоя на ней, существо оказывалось окружённое со всех сторон взглядами, направленными как со стороны Арбитра, так и со стороны Могущественных. Вокруг платформы находилось семь трибун меньших по размеру, чем у Арбитра, за которыми располагались высшие Могущественные. Хранители удостаивались чести стоять за спиной своего Могущественного, охраняя его тыл.

Когда Судьба и Люциан приблизились к своей трибуне, Могущественная увидела двенадцать пар глаз, направленных в их сторону и с осуждением смотрящих на вошедших. Шесть Могущественных и шесть Хранителей ожидали, когда прибудут Судьба и Люциан, чтобы начать Совет.

Судьба встала за трибуну, прислушиваясь, как Люциан встаёт сбоку по левую сторону: его крылья с тихим шелестом опустились. Она не оглянулась, но мысленно пожалела, что в очередной раз не напомнила Хранителю о необходимости гордо держать крылья расправленными. Пока все Могущественные, высшие и низшие, держали свои тяжёлые крылья стойко, во всей красе, показывая свою власть, Люциан позволял себе расслабиться. Только Люциан, в отличие от остальных, знал, что ему не нужно ничего доказывать – в этом мире было всего восемь Теней, которые были сильнее его – это Могущественные и Арбитр. А вот остальных Хранителей, которые так же считались низшими Могущественными, Люциан не считал равными себе и искренне предполагал, что он не должен им ничего доказывать.

Судьба оглядела присутствующих. Напротив неё, как всегда, за трибуной стоял господин Смерть – высокий худощавый мужчина, внешне лет сорока, с невозмутимым лицом. Крылья господина Смерти были такие же, как и у всех Жнецов – чёрные вороновые. Правда, его крылья были несоразмерно огромными. Ещё одним отличительным признаком Жнецов была чёрная дымка, сама по себе живая, но управляемая сильными Тенями. Дымка, окружающая тело Могущественного и тело его Хранителя, была настолько густой, что распространялась на соседние трибуны.

Справа от господина Смерти предпочитал стоять господин Покой – начальник тюрьмы для Теней под названием «Пустота» и начальник Бездны для Душ, недостойных перерождения. Это был мужчина с коротко стриженными светлыми волосами и усталым лицом. Его крылья – большие, с тонкими перьями серого отлива – только начали замораживаться и под ними собирались лужицы воды. Тюрьма для Теней находилась в Арктике, и господин Покой предпочитал проживать там же. Городскую суету и вечно сменяющийся облик города господин Покой не любил.

Слева от господина Смерти был господин Порядок. Именно под его руководством находилась Служба контроля за аномалиями. Господин Порядок всегда надевал чёрный костюм и белую рубашку, чем-то напоминая секретного агента из фильмов, но его образу не хватало тёмных очков. Крылья господина Порядка были строгими перьевыми, графитового цвета – такие

же, как у Инквизиторов и Агентов. Сейчас он подпёр свой квадратный подбородок ладонью и с нескрываемой скукой вчитывался в документы. Господин Порядок готовил свой доклад.

Рядом с господином Покоем на трибуне вальяжно расположился господин Талант с изящными чёрными крыльями, подобными крыльям шмеля. Это был молодой юноша, высокий и стройный. Судьба кивнула ему в знак приветствия. Они не особо дружили, скорее, приятельствовали, так как отдел Таланта тесно работал с отделом Судьбы, влияя на жизни людей. Юноша в ярком новомодном костюме стоял, скрестив руки на груди, и, обернувшись в пол-оборота к своему Хранителю. Они оживлённо переговаривались: Хранителем господина Таланта была молодая женщина миловидной внешности. По слухам, между ними были страстные отношения, начавшиеся, как и любой корпоративный роман, на работе.

Между господином Талантом и госпожой Судьбой стояла госпожа Любовь, которая так же работала совместно с отделом Судьбы. Две Могущественные были сдержаны в общении: Судьба была ответственна за встречи, а Любовь за чувства. И в связи с тем, что порой решения Любви не сходились с представлениями Судьбы или, наоборот, Судьба не учитывала планы Любви, женщины не стремились дружить. Крылья Любви были лебедиными, и настолько белыми, что сливались с окружающей обстановкой, а лёгкое свечение от них не давало сфокусировать взгляд на госпоже. Госпожа Любовь скучающе водила пальцем по трибуне, рассматривая свежий маникюр.

Справа от Судьбы располагался господин Мир – единственный, кому были безразличны судьбы людей и Теней. Тени отдела Мира, Друиды, заботились о том, чтобы мир оставался разнообразным, целостным и пригодным для жизни. Друидам были совершенно безразличны проблемы людей и тема Равновесия – для них люди были лишь видом, от которого они взяли своё начало. Господин Мир имел уникальные крылья, подобных которым Судьба больше ни у кого не видела – это были крылья майского жука: тонкие перепончатые крылышки скрывались под плотными лакированными надкрыльями. С такими крыльями господин Мир мог беспрепятственно только стоять или летать, но как он располагается в кресле, было для всех загадкой. Господин Мир лишь кивнул вошедшим, когда госпожа Судьба обернулась к нему, и продолжил слушать тихий доклад своего Хранителя.

Арбитр убедился, что все Могущественные собрались и посмотрел на дверь. Та с громким хлопком закрылась. Ему единственному не нужно было даже щёлкать пальцами, чтобы магия работала. Затем Арбитр посмотрел на господина Порядка и кивнул ему.

Собрание Совета началось.

Первым тишину прервал господин Порядок. Он упёрся ладонями в края трибуны, взъерошил свои крылья и, оглядывая по очереди всех собравшихся своим строгим взглядом, обратился к Совету:

— Аномалии – слово неточное и расплывчатое, но другого пока у нас нет. В последний месяц наша область переживает серию неполадок. Всё началось с погодных изменений. Нам всем уже известно и про снег, и про жару… Правильно, господин Мир?

Он поднял взгляд к Могущественному. Мир тут же щёлкнул лакированными надкрыльями и, кивнув в знак согласия, ответил:

— Друиды подтверждают, что погодные аномалии, хоть и ослабевают, всё же сохраняются. Речь идёт о сбоях во всей стране, не только в нашей области. К тому же, начались другие изменения: ранняя попытка птиц мигрировать; животные, приспособленные к жизни зимой, начинают рыть норы, чтобы впасть в спячку; а человеческие системы фиксируют появление диких животных в городе.

— Совет собрали ради обсуждения таких мелочей, как потепление и дикий лось в городской среде? — возмутилась Любовь.

Талант, чьи изящные чёрные крылья шмеля нервно подрагивали, уныло вздохнул:

— А я пропустил открытие выставки молодого скульптора. Говорят, у парня великое будущее.

— Будущее, — господин Порядок перебил его, — сейчас под вопросом. Вчера всплеск магии материализовался в конкретной точке.

Он сделал паузу и снова окинул взглядом всех присутствующих, избегая трибуны Арбитра. Убедившись, что все его слушают, Порядок продолжил докладывать:

— Вчера вечером, в 23:07, в баре «Гнездо» зафиксирован мощный всплеск магии. Наши карты светились как новогодняя ёлка на центральной площади. На место был немедленно направлен Инквизитор со своей командой.

В зале воцарилась полнейшая тишина, в которой было слышно, как шелестят крылья, капает вода с мокрых перьев Покоя и тяжёлые вздохи Могущественных. «Гнездо» было нейтральной территорией для всех Теней, независимо от их статуса, но сами Могущественные этот бар не посещали.

— Что-то вызывает всплеск магии и, предположительно, связано с природными аномалиями. Для прояснения деталей я хочу пригласить Инквизитора, руководящего вчерашней операцией.

Не дожидаясь реакции остальных, господин Порядок щёлкнул пальцами, и дверь открылась. В помещение зашёл Инквизитор. Крылья Инквизитора, по сравнению с белизной зала, казались такими грязными, что он невольно спрятал их за спиной, боясь испачкать трибуны Могущественных неловким движением. Инквизитор поднялся на платформу, кивком головы поприветствовал присутствующих и приступил к докладу:

— Задание было установить и локализовать источник аномального магического всплеска. Время прибытия моей команды – 23:20. При входе в здание уровень фоновой магии зашкаливал. При попытке провести проверку, возникли помехи, и источник стало невозможно идентифицировать.

— Какие именно помехи, Инквизитор? — уточнила Судьба.

— Свет в заведении был отключен, присутствующие Тени создавали хаос, блокируя проходы. Не могу быть уверенным, что это было скоординированное действие, но, если бы аномалия была физическим лицом, она имела бы возможность скрыться.

Услышав эти слова, Могущественные переглянулись. Госпожа Любовь тут же фыркнула и, взъерошив белоснежные крылья, обратилась к Инквизитору:

— Вы – Инквизитор отдела Порядка, Тень четвёртого ранга, элита, если так можно сказать! С вами была команда ваших подчинённых. Вам саботировали работу какие-то подвыпившие Тени? Вы не смогли подавить эти помехи на месте?

Инквизитор поджал губы. Он бросил взгляд на господина Порядка, но тот не смотрел на Инквизитора – взгляд Могущественного был направлен на других Теней. Инквизитор надеялся, что господин Порядок скажет хоть что-то в оправдание сотрудника своего отдела, но видимо, ему это было безразлично.

— В помещении находилось более семидесяти Теней, — попытался оправдаться Инквизитор. — Применение силы при подавлении сопротивления могло привести к массовым травмам, порче имущества и лишнему вниманию со стороны людей. Протокол предписывает в таких случаях минимизировать возможное внимание. Бар «Гнездо» находится в центре города, скрытый под видом заброшенного склада. Были задержаны наиболее активные нарушители, включая бармена заведения, для сбора дальнейших показаний.

Госпожа Судьба повернула голову и посмотрела на своего Хранителя. Она ожидала увидеть какую-нибудь реакцию от него: удивление, досаду, непонимание… Но Люциан стоял неподвижно: его крылья были опущены, а взгляд мечтательно блуждал по небосводу. Со стороны могло показаться, что он даже не слушает то, что происходит на Совете. Госпожа Судьба недовольно отвернулась и снова посмотрела на докладчика.

— А вы, лично вы, видели что-то? — вклинился Талант.

Инквизитор выдохнул. С вопросом господина Таланта все взгляды устремились на него. Инквизитор, потупив взгляд, нехотя стал говорить:

— Когда начался саботаж, уровень магии снова подскочил. Это можно было бы связать с эмоциями участников, так как они определённо веселились, но магический фон изначально был повышен. Но… Через две-три минуты после нашего внедрения магический фон начал падать до нормальных показателей. Будто источник исчез. Хотя задержания только начались… Значит, эмоции Теней не особо повышают показатели.

— И вы считаете, что это происшествие связано с аномалиями? — уточнил господин Мир.

— Прямых доказательств связи нет, но временная и географическая корреляция присутствует. Лично я уверен: это всё части одного явления, хотя я могу ошибаться. Фактов для утверждения недостаточно.

Арбитр, всё это время молчавший, едва заметно кивнул. Господин Порядок, уловив это почти незаметное движение, повторил кивок. Он переложил бумаги с места на место и, не давая никому задать ещё вопросы, обратился к Инквизитору:

— Благодарю, Инквизитор. Вы свободны.

Инквизитор склонил голову и покинул зал. Когда двери за ним захлопнулись, осталось чувство неловкости от его доклада: слова были профессиональные, но Инквизитор расписался в своей беспомощности. Снова наступила тишина. Эта тишина была полна невысказанных мыслей: о провале Инквизитора, о нарастающей угрозе, о том, кто теперь будет расхлёбывать произошедшее. Господин Порядок первым нарушил молчание:

— Инцидент в «Гнезде» – не досадное происшествие. Мы имеем дело не со стихийным бедствием, а с неизвестным противником. Кто-то или что-то повышает магический фон и влияет на нашу стабильность, вызывая аномалии. Я предлагаю начать полноценное расследование, поиск и поимку виновного. И для этого нам нужен Инквизитор, который не будет церемониться с саботажниками. Я предлагаю назначить главным по этому делу Инквизитора, чья результативность и преданность не нуждаются в представлении, того, кто умеет искать иголки в стоге сена и, если нужно, сжигать это самое сено.

Могущественные переглянулись. Судьба была наслышана об известных Инквизиторах, знала, что некоторые из них даже провели свой срок заключения в Пустоте за то, что превысили должностные инструкции. Но сейчас она сомневалась, что такой тонкий случай, требующий особой скрытости и аккуратности, будет вести кто-то из особо жестоких Инквизиторов. Она видела недоумение на лицах Любви, Таланта, Мира. Последний вообще поморщил нос, услышав о сжигании сена.

— И кого же вы видите в роли поджигателя? — спросила Судьба.

Господин Порядок не стал отвечать. Вместо этого он снова щёлкнул пальцами, двери зала снова открылись и внутрь зашёл другой Инквизитор. Он зашёл не как предшественник, словно служанка, а двигался, словно сторожевой пёс, исследующий новую территорию. Его шаг был бесшумен, осанка прямая. На нём была та же форма Инквизитора – серая униформа и серый плащ, а за спиной были такие же графитовые перьевые крылья. Его крылья были сложены с такой аккуратностью, что они казались выточенными из металла – это было оружие.

Инквизитор не встал на платформу, а остановился перед ней, сначала чуть склонив голову в сторону Арбитра, затем в сторону Могущественных Теней. Могущественные с интересом опёрлись на трибуны. Лицо Инквизитора было молодым, с дерзким взглядом холодных серых глаз, с заострёнными чертами лица и коротко стриженной причёской. Поклонившись, он встал прямо, сложил руки за спиной, а крылья расправил во всю ширину, показывая мощь и силу.

— Инквизитор Кассиан, — вошедший представился, не дожидаясь, когда ему дадут право голоса.

— Совет обсудил ситуацию с аномалиями. Последний инцидент в «Гнезде» показал, что угроза, вероятно, носит осознанный характер. Для поиска и поимки источника аномалии необходимы решимость, отвага и ум, которые, благо, присущи вам, Инквизитор Кассиан. У вас есть мысли на этот счёт?

Инквизитор осмотрел присутствующих, будто давая понять, что считает себя равным им.

— Я ознакомлен с имеющимися материалами дела. Угроза Равновесию, несомненно, есть. Если Совет доверяет мне, я приму это доверие как приказ.

— В таком случае, — впервые за всё время заговорил Арбитр. — Необходимо найти источник аномалий, установить его природу и доставить в Санктум. Нейтрализовать источник допустимо только в случае повышенной опасности. Каждый ваш шаг, Инквизитор, должен быть согласован с главой отдела Порядка. Господин Порядок, — Арбитр перевёл взгляд на Могущественного, — вы, в свою очередь, согласовываете всё с Советом или в срочном, незамедлительном, случае – со мной. Инквизитор, вы подчиняетесь непосредственно господину Порядка и Санктуму. Все отделы обязаны оказывать вам содействие.

В зале начались перешёптывания и переглядывания. Могущественные не могли поверить услышанному. «Все отделы обязаны оказывать вам содействие» — это был карт-бланш Инквизитору, любая помеха его работе – это нарушение приказа Арбитра. Кассиан повернулся к Арбитру.

— Понимаю. Благодарю Совет за доверие. Смею откланяться.

Арбитр снова едва заметно кивнул. Инквизитор сделал несколько шагов назад, и только после этого развернулся спиной к Арбитру и направился к выходу. Собрание Совета было окончено.

— Ладно, раз уж всё решено, я также смею покинуть зал, — госпожа Любовь первой вышла из-за трибуны и пошла прочь. Вторым за ней пошёл Хранитель Любви.

Остальные неспешно стали двигаться к выходу, обсуждая сегодняшний Совет. Судьба обернулась к трибуне Арбитра, но его там уже не было. Она увидела, как господин Мир обернулся к своему Хранителю и, дав ему указания, также поспешил. Судьба и Люциан стояли у трибуны, давая спешащим быстрее покинуть зал.

Когда зал остался пуст и пришли рабочие Санктума, чтобы почистить помещение от пыли и воды, которые Могущественные принесли с собой, Люциан сделал шаг вперёд и поравнялся плечами с Судьбой, позволив себе говорить с ней на равных.

— Его ведь не вызывали. Только тот Инквизитор вышел, как тут же появился этот. Мы не ожидали прибытия Кассиана, — голос Хранителя был пренебрежительным, — наверняка он пил чай в соседнем зале, пока первый отчитывался о своём провале. И как только тот вернулся, этот подошёл к дверям и ожидал приглашения.

Судьба перевела на него пронзительный взгляд зелёных глаз.

— Я тоже это заметила. Ощущение, что сегодняшний Совет – это театр, а не дебаты. И странно, ни слова о Гнилых в Бездне.

Люциан пожал плечами, отчего его крылья качнулись.

— Господин Порядок не любит неопределённостей. Судя по увиденному, Кассиан – это его лучший способ достигнуть порядка. Прошу прощения за тавтологию, — сказал Люциан и искренне улыбнулся Судьбе.

Хранитель выдержал паузу, давая оценить масштаб угрозы, а затем добавил голосом на полтона ниже:

— Позволишь посодействовать в освобождении бармена Григория? Он всё-таки один из моих агентов, пусть и неофициально. Другого я такого не найду.

— Люци, я полагала, что это не стоит обсуждения. Вытащи его, только так, чтобы ни у кого не возникло вопросов.

Люциан кивнул и, дождавшись, когда Судьба сделает шаг, последовал за ней на выход, снова позволяя Судьбе идти на шаг впереди.

Глава 5

В полночь, в тот момент, как Инквизитор возвращался из бара «Гнездо» с задержанными, Дима, Никита, Юля и Егор прибыли в коттеджный посёлок, где находился дом Никиты. Посёлок назывался Сосновый Лог и был облюбован Тенями. Здесь они скупали дома и здесь же они уживались с людьми. Люди в Сосновом Логу жили неплохо – они не знали, кем являются их соседи, да и не стремились узнать. Жизнь людей из Соснового Лога била ключом: дела удавались, особых трудностей не было, и в общем, можно было бы сказать, что люди здесь успешны.

Дима и Никита летели последние минуты вымотанными. Выпитый алкоголь в баре давал о себе знать – Теням становилось всё тяжелее с каждой минутой. Дима приземлился первым и, коснувшись земли постарался аккуратно поставить Юлю на ноги. Но он не смог приземлиться ровно на ступни, отчего едва сам не упал, а Юле пришлось соскочить с его хватки. Девушка сделала два шага по инерции, после чего упала в снег, выставив вперёд ладони. Её маленькие белые крылышки лишь на секунду расправились, чтобы хоть немного замедлить падение.

Никита «припарковался», как водитель в гололёд – со скрипом по снегу, с разворотом на сто восемьдесят градусов и с едва уловимой руганью. Он тут же отпустил Егора, и тот, не устояв, повалился в сугроб у крыльца. Парень сразу вскочил на ноги, чувствуя, как снег запал за ворот свитера. Его голова так кружилась от полётов и нескольких дней голода, что он почувствовал, как спазм прошёл от желудка к горлу. Егор выплюнул на тротуар едкую горечь желчи и слюней. От тела потребовался хоть какой-то ответ на невесомость и скорость.

— Дима, следующий раз… Едем на такси, — прошептал Никита. — Нельзя же так летать после попойки.

Юля, отдышавшись, подняла голову и осмотрела дом Никиты. Это оказался не готический замок, который она представляла, а двухэтажная композиция из кубов, собранных в хаотичном порядке, с плоской крышей и пристроенным гаражом. Во внешнем интерьере дома доминировали камень и тёмное дерево, а количество окон поражало: стекло сверкало в свете луны. Вокруг здания росли маленькие аккуратные деревья, в которых Юля узнала сезонные плодоносные растения. Девушка провела взглядом вокруг – за забором виднелись дома с чёрными окнами – ни огонька в окнах соседей.

— Внутрь, — сипло бросил Дима, подхватывая под локоть бледного Егора, пока Никита, с тоской в глазах, уже ковылял к двери.

Оказавшись в прихожей дома, все четверо скинули обувь, а Егор аккуратно сложил пальто на яркий мягкий пуфик. Только сейчас он заметил, что все трое Теней были без верхней одежды. Прямо из прихожей они попали в гостиную, совмещённую со столовой, где неярко горел торшер, освещавший тусклым светом диван и часть лестницы.

Никита сделал несколько пьяных шагов в гостиную и остановился, раздумывая, как расположить гостей. Он махнул рукой в сторону лестницы. Его голос прозвучал хрипло и отстранённо:

— Юля, лучшая гостевая… наверху. Там есть ванная со всем… нужным. Остальные… — он жестом, полным трагического взмаха, обвёл помещение, — есть гостиная, и еще одна комната… А я буду в своей спальне.

Он не закончил говорить. Никита развернулся, сделал два шага и рухнул в диван лицом вниз, словно его подстрелили. Тяжёлые чёрные крылья бессильно распластались по полу, одно из них задело торшер, и тот качнулся с тихим звоном. Трое оставшихся стоять молча смотрели на Никиту, так и не дошедшего до своей спальни. Дима тяжело вздохнул и потёр переносицу.

— Ну что ж. Эвакуатор на такой вес сюда не приедет, а у нас… — он окинул взглядом тощую Юлю и полуживого Егора, — и двух меня не наберется. Не дотащим его. Значит, хозяин дома спит сегодня внизу, Юля в крутой гостевой комнате с ванной, я в гостевой попроще, а ты,

— он ткнул пальцем в Егора, — одну ночь переночуешь в хозяйской спальне. Если ты рухнешь здесь, мы тебя бросим на полу.

Егор молча кивнул и медленно побрёл наверх по лестнице чужого дома. Найти нужную комнату не составило труда – Дима командным тоном расселил Егора и Юлю по спальням в разных концах коридора, а сам скрылся за дверью по центру.

Егор, оказавшись внутри незнакомой темноты, не стал снимать одежду. Он упал на кровать и закрыл глаза. Кроме темноты тут же опустилась тишина, и парень провалился в сон.

Сознание вернулось внезапно, одним болезненным рывком, будто кто-то дёрнул за нить, привязанную к солнечному сплетению. Полежав с минуту, он неспешно поднялся на локтях и осмотрел комнату, в которой ночевал: большая, почти пустая спальня с бежевыми стенами, тёмно-коричневым паркетом и белым постельным бельём на огромной кровати. У окна стоял рабочий стол, в стене была ниша с книгами, плотно стоявшими потрёпанными корешками к комнате. За окном виднелся заснеженный лес, утопающий в утреннем свете. Картина была такая мирная, что от неё стало не по себе.

Парень поднялся с кровати и подошёл к окну. Лес был реальным, как и всё вокруг. От вида заснеженных деревьев Егору стало спокойно. Выдохнув, парень перевёл взгляд на стол, где он заметил две фотографии в простых рамках. Егор аккуратно взял обе фотографии и приблизил их к лицу. Первая фотография была слегка выцветшей, с характерным налётом. На снимке был изображён сад камней в Японии. На фоне строгой сосны стоял Никита, одетый в светлые брюки и рубашку с закатанными до локтей рукавами. Он улыбался лёгкой ухмылкой, с туристической непринуждённостью, которая бывает у людей в сотнях километрах от дома. За его спиной были расправлены аккуратные чёрные кожистые крылья с когтями на суставах. По общей атмосфере фотографии Егор предположил, что это 1980-е. Вторая фотография была чётче и ярче. На снимке были изображены альпийские горы с белоснежным склоном и ярко-голубым небом. Никита стоял в горнолыжном костюме, поднимая в воздух кружку, от которой исходил пар. Улыбка Никиты была всё такая же отстранённая, а крылья – точно такими же, как и на прошлом снимке. Внизу снимка был указан год – 2019.

Егор приблизил фотографии ещё ближе к глазам, чтобы сравнить. Одежда, причёска, качество снимка – всё менялось, но лицо Никиты оставалось одним и тем же. На фотографиях был виден ход времени, но Никита не старел, у него не появлялись морщины и не было усталости в глазах. Его крылья тоже не менялись: они были константой, как и его молодые черты лица.

Он поставил фотографии на стол, подвинув их кончиками пальцев на свои места. В голове, сквозь утреннее непонимание, пробилась ясная мысль: *Он не просто долго живёт, он остановился. Они все живые, но время течёт для них по-другому?*

Егор вышел быстрым шагом из комнаты. Он прошёл по коридору, заглядывая в двери и изучая гостевые комнаты, нашёл рабочий кабинет Никиты, изучил складское помещение… Ночью, когда они вернулись из бара, Егор не обратил внимание на внутренне убранство дома, но сейчас, при ясном свете, он видел, как дорого, и главное, удобно, обставлены помещения – не было лишней мебели, тяжёлых штор и хаотичности. Зато в доме было много памятных вещей. В коридоре на комоде стояла старинная шкатулка, открыв которую, Егор внутри увидел записку на французском. Испугавшись, что невольно лазает по чужим вещам, парень тут же захлопнул шкатулку. Спускаясь по лестнице, он увидел на стенах висящие фотографии из путешествий, а на полках стояли дорогие сувениры. Некоторые из них были такие ветхие, что Егор побоялся коснуться их. У лестницы на первом этаже стоял аккуратный бонсай – изогнутая сосна в горшке.

Егор оказался в гостиной, залитой светом через панорамные окна. В центре стоял фиолетовый диван, на котором одиноко лежал смятый плед цвета горчицы. Перед диваном на кофейном столике была оставлена кофейная чашка с гущей на дне, а рядом с ней чистая пепельница

в виде дракона. Пепельница прижимала лист бумаги, на котором небрежным почерком были выведены острые буквы. Егор взял лист бумаги и стал медленно вчитываться, пытаясь разобрать написанное: «*Егор. Не сомневался, что ты проснёшься последним. Мы на вынужденном выезде, вернёмся к вечеру. 1. Не выходи из дома и не подходи к окнам со стороны дороги, шторы тоже не открывай. 2. На кухне есть немного еды, но вечером будет больше. 3. Гардеробная в моей спальне открыта. Пользуйся ванной и переоденься в чистое. Бери что хочешь. 4. Чувствуй себя как дома, но не забывай, что ты в гостях. 5. Если что, звони, вот наши номера*» и ниже были перечислены три номера, уже откровенно корявым почерком, будто последние строки Никита писал в спешке. Егор дважды перечитал записку-инструкцию, а затем вернул её на место, придавив драконом.

Желудок предательски заурчал. С последнего вечера к Егору вновь вернулось чувство голода и спокойный сон. Он толкнул дверь рядом со столовой и попал на светлую кухню с глянцевыми шкафами, столешницей из дорогого дерева и с встроенной техникой, но здесь не было никакого беспорядка и признаков ежедневной готовки.

Егор распахнул дверцу бесшумного серебристого холодильника, и внутренний свет ослепил его. Холодильник был почти пуст, и то, что было внутри него не имело отношения к обычному питанию. Парень вспомнил, что в его однушке в холодильнике стоит гречка, которой уже три дня, открытая банка огурцов и прокисшее молоко. Здесь же всё было по-другому: на верхней полке на блюдце лежал идеальный кусок сыра бри, покрытый белой плесенью; рядом с ним лежал один сочно-жёлтый лимон; на средней полке стояло несколько бутылок с минеральной газированной водой; на нижней полке глиняный кувшин с надписью «*Мёд. 2022*», а на дверце стояла бутылка какого-то элитного алкоголя. Рядом с бутылкой в картонном лотке лежали три куриных яйца. Они выглядели здесь самыми обычными продуктами и самыми неуместными.

Приготовив яичницу, Егор двинулся с тарелкой в руках обратно в гостиную. Он сел в кресло с прорезями для крыльев – не зная, что это для крыльев – в углу огромной комнаты и, медленно дуя на тарелку, стал осматриваться вокруг. Не успел он откусить кусок от яичницы, как замер: вокруг были книги. Их было так много, что Егор сначала не заметил, что одна из стен была сплошь книжной полкой. Современные романы в ярких обложках соседствовали с потёртыми томами классики. Во всём доме был порядок, казалось, что каждая вещь стоит на своём месте, но именно здесь не было никакой организованности. Эти книги собирали не для коллекции, а для того, чтобы их прочитать. Сидя в кресле, Егор увидел очередные фотографии на полках. Он отложил тарелку в сторону, поднялся и подошёл к полкам: вот фотография, где группа существ с крыльями в смокингах, а среди них и Никита, стоят возле фотозоны. На другом снимке могла бы быть классическая фотография туриста, где Никита придерживал ладонями Пизанскую башню, но вместо этого запечатлён момент, где он взмахом крыла якобы опрокидывает эту самую башню.

В какой-то момент Егор наткнулся на два снимка, зажатых между книгами, словно их прятали. Оглядевшись так, будто боялся съёмки на скрытую камеру, он аккуратно достал их. На одной фотографии, чёрно-белой, был изображён старик. Его черты лица чем-то напоминали Никиту – такие же острые скулы, длинный нос, прямой взгляд из-под седых бровей. Старик смотрел прямо, будто насмехаясь, и даже ухмылка на лице выдала в нём озорство. Егор отметил про себя, что, возможно, это дед Никиты. Другая фотография была худшего качества, и здесь был сам Никита, но… Это был тот же взгляд, что у старика, та же мимика, тот же характер. Егор вгляделся: здесь у Никиты не было крыльев. Егор поставил две фотографии рядом. *Нихрена себе!* — подумал Егор. — *Это он в молодости, и он же в старости! Но как это возможно? Как он мог быть стариком?*

Егор убрал фотографии на место, вернув их так же, как и было. Если они спрятаны вот так, между книгами, а не выставлены на полки, значит на то были причины. Он перестал огля-

дывать комнату и отнёс пустую тарелку на кухню, а дальше, следуя инструкции, отправился наверх в душ.

Вода смыла остатки вчерашнего страха, пота и городской пыли. После, освежившись, он вышел в гардеробную. Это оказалось пространство, вызывающее почтительный ужас. Здесь царила дисциплина. Рубашки висели по цветовой гамме, каждая на отдельной деревянной вешалке, костюмы были спрятаны в чехлы, свитеры сложены на полках, как в самых дорогих магазинах одежды. На отдельной этажерке аккуратно лежали ремни, запонки и часы. Всё было безупречным и дорогим. В окружении всего этого стоял Егор, закутанный в полотенце, словно варвар в святилище. Он с трудом нашёл полку с обычными джинсами, которая Никите видимо была не мила, и более-менее обычный свитер. Он надел классические джинсы, которые были слегка ему великоваты в талии, и чёрный тонкий пуловер.

Егор спустился обратно в гостиную, уже в новом обличье. Кашемир был невесомым и тёплым. Парень подошёл к окну, не к восточному, а к тому, что выходило в лес. За стеклом лежал заснеженный мир, тихий и безмятежный. Где-то там, в городе, сотни Теней держали Равновесие в мире, а здесь, внутри, пахло книгами и тишиной. И он, Егор Скворцов, адвокат-неудачник и аномалия, сидел в чужом кресле в центре этого спокойствия, одетый в пуловер стоимостью с его двухмесячную зарплату, и ждал.

День тянулся, как жвачка. Егор сидел в кресле у окна в гостиной, держа перед собой открытую книгу, но он не читал, а смотрел, как сумерки опускаются на лес. Он просидел в кресле большую часть дня, пытаясь читать, но сейчас ему становилось неловко оставаться в чужом доме в одиночестве. Позвонить кому-то из новых знакомых он не решался – да даже если позвонит, то что спросит?

Егор уже хотел было убрать книгу, но его внимание отвлёк звук – щёлкнул ключ в дверном замке. Спустя секунду в прихожей послышались шаги.

— Егор? — Никита проверил, не сбежал ли гость.

— Я… Я здесь, — сказал Егор, захлопнув книгу.

В проёме показался силуэт. Освещённые светом прихожей, крылья за спиной Никиты были расслаблены, и с них капала вода. Только сейчас Егор увидел, что за окном падал мелкий снег, больше похожий на морось дождя. Никита щёлкнул выключателем, и комната озарилась тёплым светом от потолочной люстры.

— Почему в темноте? Ты же не сова. Или я пока что не вижу твоих крыльев?

Сказав это, Никита улыбнулся уголками губ. Егор не обратил внимания на колкость и поднялся с кресла.

— Я думал, свет может привлечь внимание.

— Внимание кого? — усмехнулся Никита.

Он с важным видом обошёл человека и уселся в любимое кресло, где только что располагался Егор.

— Ежи в лесу сейчас в спячке. А вот если свет не будет гореть несколько дней, то Алиса, наше радио «Сплетни», позвонит мне с вопросом, не умер ли я окончательно. Это же элементарная конспирология – будь как все и тебя не заметят.

— Алиса – это кто?

— Соседка моя. Здесь, в Сосновом Логу, некоторая часть жильцов – Тени.

Никита обвёл пальцем в воздухе, показывая, что говорит об окружении.

— Тени – это вы? — спросил Егор.

— Точно. Тени это мы. Существа с крыльями и магией.

— Прям с настоящей магией? Как в фэнтези?

Никита поморщил нос.

— Нет. В книжках другая магия. У нас магия идёт от нас. Мы и есть магия. Кстати, свитер тебе идёт. Забирай.

— А почему вы называете себя Тенями? — снова поинтересовался Егор.

— Потому что мы живём среди людей незаметно для вас.

Егор наконец сел на диван. В животе снова заурчало – он весь день просидел без еды, довольствуясь только утренней яичницей, а здесь, словно по волшебству, у него вернулось желание жить и аппетит.

— Скоро приедет Дима. Обещал что-нибудь привезти тебе на ужин, — заметил Никита, после того как услышал урчание в животе Егора.

Егор пропустил замечание Никиты об ужине.

— Я хочу спросить о Тенях. У всех Теней есть крылья?

— Крыльев нет, только если их вырвали или если Тень лишилась зерна.

— Зерно?

— Да, — Никита кивнул. — У всех Теней есть зерно. Это наша сущность, центр нашей магии. Оно спрятано в теле, — Никита приложил ладонь к области, где заканчивался мечевидный отросток. — Тень с зерном, но без крыльев – всё еще сгусток магии. Крылья отрастают. Тень без зерна теряет крылья, теряет магию и рассыпается в песок.

— Тень может умереть? — непонимающе спросил Егор.

Он всё ещё не мог понять вопросы жизни и смерти у Теней.

— Только потеряв зерно. Тень может пережить почти что угодно, но пока зерно цело и внутри – Тень выживет: кости срастутся, раны затянутся, крылья отрастут.

— А зерно?... Оно откуда?

Никита поднялся на ноги и двинулся к восточной стороне. Отодвинув кухонную шторку, он глянул за окно, а затем вернулся к разговору.

— Когда человек умирает, его Душу встречает Жнец и отводит в Канцелярию. Канцелярия всегда скрыта в здании, соответствующем духу времени. Раньше это чаще всего были замки, сейчас это здание городской администрации. В Канцелярии работают Тени, например, мы трое. Душа собирает досье и попадает к рекрутеру, который выносит вердикт «Отказ» или «Принято». Если «Отказ» – Душа попадает на перерождение, ей стирают память, затем Душа рождается в другом теле и снова проживает жизнь человека. Если «Принято» — значит, у неё есть способность к магии, и она должна стать Тенью. Тогда Душа получает зерно, она смотрит в зеркало, выбирает свою внешность на вечность и отращивает крылья, которые являются отражением её внутреннего мира.

Выпалив эти слова без единой паузы, Никита расправил крылья, будто хвастаясь своим внутренним нутром. Но Егор вскочил на ноги, не обращая внимания на крылья собеседника.

— То есть, я уже жил раньше?

— Несомненно. И ты проходил Канцелярию. Как и я, и Дима, и Юля. Только мы получили «Принято», а ты – «Отказ», — Никита говорил об этом так обыденно, будто речь была всего лишь о собеседовании на работу.

— Есть только два решения рекрутера?

— Нет, ещё есть вариант – Бездна. Туда попадают Души, недостойные перерождения и не имеющие способности к магии. Ну знаешь, это те люди, которые принесли столько зла в мир, что даже Тени не смогли сохранить Равновесие, — ответил Никита, помолчал, а затем добавил: — А, ещё те, кто сами ушли из человеческой жизни, не ценя её.

Глаза Егора блеснули от ажиотажа. Он на секунду даже представил, какие крылья могли бы быть у него.

— А как получить способность к магии?

Никита бросил на него взгляд, отметил про себя заинтересованность человека. Затем он сел на подоконник и снова выглянул за окно.

— Способность к магии даётся с рождением человека, — стал пояснить Никита. — Если новорожденного встречает Введенец – это Тень отдела Любви – и даёт напутствие, то человек имеет способность к магии. О, а вот и Дима с Юлей приехали!

Сначала он услышал шуршание гравия под колёсами такси, затем – два почти одновременных хлопка дверьми автомобилей. Спустя несколько секунд машины развернулись, и свет фар скрылся в темноте, оставив две фигуры у ворот. Дима, волоча за собой чемодан на колёсиках в одной руке и пакеты с продуктами в другой, оглядывался на Юлю, ступающую на его следы в снегу. В её руках был маленький розовый чемодан, рюкзак и тёмно-синяя переноска для животных.

Они вместе вошли в прихожую, впуская с собой клубок холодного воздуха. Дима поставил пакеты на пол с таким видом, будто выполнил секретную миссию, и откатил чемодан в сторону. Его рыжие, слегка растрёпанные волосы были подмёрзшими. Морось, смешиваясь с морозом, покрывала причёску инеем.

— Половину ассортимента продуктового притащил, — отчитался Дима, кивая в сторону пакетов. — Не знаю, что нужно этому человеку, поэтому взял всего понемногу. И кстати, пиццу заказал, но оплатишь ты, — он кивнул в сторону Никиты.

Не успел Никита заметить, что большую часть пиццы съест Дима, как Юля, обходя их, прошла вперёд и поставила на пол переноску. Внутри, за алюминиевой решёткой, навстречу Теням и Егору смотрели два огромных, небесно-голубых, абсолютно бесстрашных глаза.

— Никита, утром, когда было решено, что мы временно будем жить здесь, я тебя не предупредила об ещё одной гостье, — Юля решительно, но быстро выпалила. — Я не могла её оставить в пустой квартире. Она знает лоток и не будет…

Юля не успела договорить. Никита, не говоря ни слова, присел перед переноской и отворил замок. Дверца откинулась, и он увидел внутри, на мягком полотенце, белоснежную пушистую кошку, которая совершено спокойно смотрела на незнакомца. Никита протянул руку к кошке, чтобы она могла обнюхать её.

— Ах ты красавица…

Кошка, обнюхав пальцы влажным носом, плавно вышла из переноски, высоко подняв пушистый хвост, а затем потянулась. Егор поднялся с дивана, и, уперев руки в бока, смотрел на животное. Дима тоже смотрел на кошку, но с некоторым скепсисом.

— Эта кошка – абсолютное совершенство, — восхищённо прошептал Никита.

— Не совсем, — Юля оставалась в стороне. — Тиша глухая.

— Тиша?

— Её зовут Тишина. Я дала ей это имя, хотя она его не знает.

Никита аккуратно взял кошку на руки и понёс её на кухню, чтобы там найти место для её мисок. Гости – Тени и человек – были уже забыты им. Никита ворковал с Тишей и нежно гладил по шёрстке, не обращая внимания, что длинная шерсть уже начала падать на пол, нарушая идеальную чистоту дома.

— И что, теперь кошка будет жить с нами? — Дима уточнил у Юли, будто до этого не слышал разговор.

Он говорил мягко, без какой-либо цели обидеть Юлю, хоть эта идея ему не нравилась.

— А что ты предлагаешь? — спросила Юля, обернувшись к Диме. — Она пришла в мой дом с улицы год назад, а теперь, если я здесь, как бы она жила бы одна?

— Не в этом дело, Юля. Она же проживёт лет двадцать, если повезёт, а ты останешься. И будешь плакать. Это будет очередная боль потери в нашей вечности. Глупо, по-моему, привязываться к смертному существу, — сказав это, Дима тут же замолк, увидев, что Егор стоит в стороне и слушает разговор.

Диме стало неловко, но Юля, будто не заметив этого, быстро парировала:

— А глупо, по-моему, отказываться от любви из-за страха боли. Для неё это будет одна жизнь, даже без перерождения. Это будет одна-единственная жизнь, но сытая и тёплая.

Спор был исчерпан. Не потому, что кто-то победил, а потому, что они понимали – они говорят об одном и том же, но с разных сторон. Тени говорили об их вечной жизни, с разницей в том, что Дима уже познал боль потери, а Юля лишь начинала свой путь.

— Ладно, — из кухни раздался голос Никиты. — Раз уж мы все собрались, давайте решим бытовые вопросы. Юля остаётся в лучшей гостевой комнате, там есть отдельная ванная комната, а она единственная девушка. Егор перебирается в другую гостевую комнату, там окна выходят на лес. Я буду в хозяйской спальне. Тебе, Дима, остаётся твой любимый диван в гостиной, будешь ближе всех к холодильнику. А вещи свои сложишь в комод на втором этаже.

— Ну охренеть… — разочарованно протянул Дмитрий, надеявшийся остаться в гостевой комнате. — Вижу, ты всё уже решил.

Никита скрестил руки на груди и расправил крылья. Он знал, что в случае спора, может завязаться хоть и шуточный, но всё-таки бой крыльями.

— В подвале есть прачечная. И мы не должны забывать, что нужно покупать еду Егору.

— Я мог бы сам… — Егор подал голос, ещё не осознав, что остаётся с Тенями здесь не на один вечер.

— Нет, ты без нас в ближайшее время из дома не выйдешь. Не забывай о моих соседях Тенях. Нужно ещё решить, как тебя скрывать.

— Но мне нужно домой.

— Нет, — Дима также расправил крылья, закрывая выход на улицу. — Зачем тебе домой? Мы решили, что останемся все здесь, пока не решим, что делать с тобой. Скажем так, мы нарушили закон, укрывая тебя, и нам нужно решить массу вопросов.

— Но… Моя одежда, вещи…

— Завтра.

И с этими словами Дима подхватил свой и Юлин чемоданы, и направился к лестнице, чтобы оставить сумки наверху. Юля последовала за ним, а Никита занялся распаковкой пакетов с продуктами. Егор остался внизу, растерянно наблюдая, как Никита комментирует глухой кошке покупки и дальнейшие планы. Тиша сидела на столешнице и совершенно не смотрела в его сторону. Её спокойствие было гипнотизирующим. Она не знала, что вокруг неё решаются судьбы, что её хозяйка – бессмертное существо, а рядом напуганный обычный человек. Ей было безразлично, что она в новом доме. Главное, что здесь тепло, её гладят и кормят.

Эту идиллию прервал резкий, наглый звонок в дверь. Все, кроме Тиши, вздрогнули, а кошка лишь села ближе к окну, вглядываясь в темноту. Никита присоединился к ней и тут же выдохнул:

— Пицца. Совсем забыл. Дима, тащи кошелёк!

— Ну уж нет, — выкрикнул Дима, оказавшись на первом этаже, — в отличие от тебя, у меня нет несметных богатств.

Звонок в прихожей повторился долгой трелью.

— Спасаешь человека – платишь за пепперони! — крикнул Дима на ходу и схватил кошелёк Никиты с тумбочки. Не дожидаясь его ответа, открыл дверь и, приняв заказ, Дима сунул в руку курьера шуршащую купюру. — Здесь без сдачи и с чаевыми!

В дом ворвался маслянистый запах горячего теста, сыра и специй. Не прошло и минуты, как все собрались на кухне вокруг столешницы. Они разложили четыре коробки с разными пиццами на кухонном островке, усаживаясь на барные стулья без спинок. И теперь хозяин дома и гости приступили к ужину.

— Так, — сказал Дима, прожевав первый кусок и тут же откусив второй, — давай по порядку. Кто ты?

Егор замер с треугольником пиццы в руке, не успев даже поднести еду ко рту.

— Я – Егор Скворцов, — проговорил парень, глядя на всех троих по очереди. — Мне двадцать четыре года, и я только осенью начал работать юристом в адвокатской конторе «Право и порядок», той, что в «Башне».

Тени переглянулись, когда услышали первую информацию о человеке.

— Серьёзно? — Дима поднял бровь. — Ты адвокат?

— Ну, формально я помощник юриста, — пояснил Егор, а потом добавил: — Третий помощник. Пока мне поручают самые неважные задачи.

— Нормально, — удовлетворительно кивнул Дима. — Где живёшь?

— В однушке, которая досталась от бабушки, три года назад.

Егор наконец приступил к поеданию пиццы. Казалось, Тени собирали лишь общую информацию о нём.

— Далеко квартира? — уточнил Никита, вытирая салфетками руки.

— Двадцать минут в пешей доступности от «Башни».

— Своё жильё, это хорошо, — Дима запил кусок пиццы газировкой. — Родители, семья есть?

— Родители в другом городе живут. А так один.

— Что, даже девушки нет? — не поверил Дима.

Егор посмотрел на Диму так, будто проверяя, не насмехается ли тот над ним, но Дима был серьёзен.

— Я совсем один. У меня даже друзей нет.

— А мы кто? Мы вообще-то тебя спасли от Агентов отдела Порядка. Уж точно теперь не чужаки.

Дима хлопнул Егора по спине так сильно, что тот едва не упал с барного стула. Егор ничего не сказал. За столом повисла тишина, в которой было слышно, как Дима громко жуёт, а Тиша мурлычет, засыпая на коленях Юли.

— Ладно, теперь главное, — Никита медленно произнёс, отрывая кусок от пиццы с другим вкусом. — Когда ты начал видеть Теней?

— В начале декабря в кафе «На виду» я увидел крылья Димы в отражении окна, — Егор перевёл взгляд на рыжие перья, торчащие в разные стороны, — это было в тот день, когда я разлил чай на столе, вы ещё обернулись на меня.

Дима понимающе кивнул на слова Егора.

— Потом я увидел девушку, поправляющую люк, — продолжил Егор. — Потом тот случай в кафе и дальше всё усилилось: я видел крылья везде, думал, что схожу с ума, потом начались изматывающие сны о полётах и очередях.

— Очередях? — воскликнула Юля впервые за время разговора.

Егор обернулся к ней.

— Да, очереди. Во сне я проходил какие-то испытания в разных кабинетах, стоял в очередях... Ну, что-то такое. Ещё мне снился зал с часами, весь сон я просто сидел и смотрел на циферблат.

Тени снова переглянулись. Каждый из них понимал, о чём говорит Егор и на что это похоже, но это было невозможно. Душам стирали память перед перерождением, и Егор не должен был ничего помнить.

— А вчера я просто брёл по городу, и ноги меня сами принесли к бару, где всё и началось.

— Ты не должен был видеть бар «Гнездо», — задумчиво пробормотал Никита. — Люди не видят бар, для них там заброшенный склад.

— Я видел дверь между булочной и ломбардом, на двери было изображено птичье гнездо, — оправдался Егор. — Вчера я подумал, что просто окончательно свихнулся и принял это.

— А сейчас?

Егор промолчал. Он не хотел признаваться, что у него несколько раз за день проскользнула мысль, что он уже в психбольнице и препараты просто не действуют.

— Он сомневается, что это всё реально, — Дима ответил за него.

Егор посмотрел на него, не веря в услышанное. *Как он узнал?* – подумал Егор.

— И ему страшно, — добавил Дима, прожёвывая твёрдую корочку от пиццы.

— Ну, вы пока что меня не убили. Надеюсь, этого не случится.

— Постараемся, — сказал Никита, не глядя на него. — Слово даю.

— Да когда ты хоть раз давал кому-то своё честное слово? — возмутился Дима.

— Никогда. Поэтому сейчас это слово дорого стоит.

Дима закатил глаза. Он уже привык к пафосу Никиты за сто лет знакомства, но понимал, как глупо он звучит со стороны.

— А ты почему молчишь? — Егор обратился к Юле.

Девушка ела пиццу, слушая их беседу, и периодически вытирала руки салфетками, чтобы погладить кошку, сидящую у неё на коленях.

— Слушаю ваш разговор, — смущённо ответила Юля. — Не обязательно говорить, чтобы беседовать.

Дима поперхнулся. Он закашлялся и только спустя несколько секунд, когда еда опустилась в желудок, обратился к Юле:

— Ещё один философ! Надеюсь, ты не будешь такой, как Никита через сто лет!

— А что со мной не так?! — возмутился Никита.

— С тобой много чего не так, — съязвил Дима, но затем повернулся к Егору. — У тебя враги есть? Может, кто-то хочет убить тебя или подставить, может покалечить?

Егор внимательно посмотрел в карие глаза Димы. Нет, определённо, эта Тень издевается над ним.

— Я человек-одиночка, работаю третьим помощником юриста, — повторил Егор. — Наша контора занимается наследственными делами. Самый скандальный случай на моей практике – раздел дачного участка.

— Скучно, — Дима согласился.

— У меня спокойная жизнь.

— Была, — тихо поправила Юля.

— Да, была. Что со мной дальше будет?

Тени ничего не сказали. Дима взял ещё один кусок пиццы, но секунду подумав, положил его обратно. Никита небрежно бросил смятую салфетку в пустую коробку. Юля поднялась со стула и поставила завариваться чайник. Тиша тем временем пересела на подоконник кухни и уставилась в окна дома напротив. Юля, так же, как и Егор, была в этом доме вторые сутки, но уже стала осваиваться.

— Пока не знаем. Мы поживём все у Никиты, — Дима стал перечислять, — завтра съездим за твоими вещами, ты возьмёшь отгул на работе, а мы попытаемся узнать хоть что-то. Никита, у тебя есть знакомые, которые могут помочь?

— Нужно подумать. Может, Лев?

Дима опять взял кусок пиццы, который ранее отложил в сторону.

— А зачем вы едите? — внезапно спросил Егор. — Вы же… мёртвые?

За столом раздались смешки и переглядки.

— Мы – Тени, — поправил Никита. — Мы живые и бессмертные. У нас также течёт кровь в жилах, мы чувствуем голод и недосып, но реже нуждаемся в еде и отдыхе, чем люди.

— Чаще мы питаемся, чтобы почувствовать вкус и провести время в компании, — пояснила Юля, расставляя чашки на стол. — Для Теней это культурный код.

— Ну есть исключения, — вмешался Никита, — вот Дима ест постоянно. Что им движет – загадка даже для Теней.

— Я ем, чтобы меня не сдуло ветром на вершине горы, как кое-кого, не буду показывать пальцем, восемьдесят лет назад, — пояснил Дима, не обращая внимания на колкость.

— Кто бы говорил... — Никита только хотел припомнить давний случай Диме, но его прервал Егор внезапным вопросом:

— Вы правда все когда-то умерли?

— Ну да, — Никита тут же забыл о чём хотел сказать ранее. — Я ж тебе рассказывал. Правда, думаю, если бы у Души был выбор, сомневаюсь, что кто-то выбрал бы *это*.

Последнюю фразу Никита сказал с каким-то отрешением. Егор внимательно посмотрел на Теней – все трое одновременно поникли и погрузились в свои мысли.

— Точно, — подтвердил Дима. — Просто длинные дни, которые всё никак не закончатся.

— И как это было? — спросил Егор, имея в виду их человеческие жизни.

Тени встрепенулись и переглянулись. Это было бестактно среди Теней – задавать вопросы о жизни до становления Тенью, но Егор не мог этого знать.

— Я погибла в аварии, — первой заговорила Юля. — Это было шесть лет назад. Я спешила на работу, выехала на перекрёсток и тогда в мою машину врезался грузовик. Я умерла в реанимации. Мне было тогда тридцать лет, и я осталась в этом возрасте.

— Как это?

— Когда становишься Тенью, твоя Душа встаёт перед зеркалом в Канцелярии. Там как видеоряд в отражении видно, как ты менялся с восемнадцати лет до момента смерти, — Юля рассказывала, жестикулируя в воздухе, — я видела себя восемнадцатилетней, затем девятнадцатилетней, и так далее… В возрасте тридцати лет я видела себя такой же, как в последний день жизни. Но я сразу решила, что останусь в своём образе.

— Ого, — выдохнул Егор и обратился к Диме и Никите. — А вы?

— Я умер, когда мне было пятьдесят, — безразлично вспомнил Дима. — Туберкулёз. Я был земским врачом в губернии, заразился от пациентов.

— Но ты тоже выглядишь на тридцать!

— Если точнее, тридцать три. Это время моего максимального физического развития, и я выбрал этот возраст.

— А как Тени тебе…

— Я умер сто семнадцать лет назад. В общей сложности, мне сто пятьдесят лет. Но мы называем тот возраст, который соответствует возрасту Тени.

— Да, но в какой-то момент Тени начинают округлять и считать сотнями, — уточнил Никита.

Егор перевёл на него взгляд.

— А ты?

— В общей сложности мне сто восемьдесят, но как Тень я моложе Димы. Я умер в возрасте восьмидесяти лет, во сне.

— Ничего себе, — Егор пытался уложить в голове новые факты. — Но выглядишь ты моложе, наверное, тоже выбрал лучший свой возраст. У вас были семьи?

— Конечно! — усмехнулся Дима. — У меня было четверо детей, а на момент смерти у меня уже были внуки! Сейчас мне известно о тридцати моих потомках в шестом поколении.

— Правда? — Никита обернулся на Диму. Он впервые об этом узнал. — И ты знаком с ними?

— Я некоторых из них знаю в лицо, но не общаюсь с ними. Чаще наблюдаю, но редко – чтобы они меня не запомнили, – и совершенно не вмешиваюсь в их жизнь, — пояснил Дима.

— А у меня остались родители и сестра, — тихо пробормотала Юля. — Я не могу к ним приблизиться, так как они меня похоронили всего лишь шесть лет назад и точно узнают. Я давно не видела свою семью и… Очень скучаю по ним.

С этими словами Юля отвернулась, чтобы никто не видел, как она смахивает слезу.

— Почему вам не стирают память так же, как Душам на перерождении? — удивился Егор, заметив, что Юля и Дима говорили о потерях уже не в первый раз за вечер.

— Именно для того, чтобы мы интуитивно не возвращались в родные дома и не сводили с ума свои семьи, — сказал Дима, пожимая плечами.

— А ты? — Егор снова повторил вопрос Никите, который пытался избежать этого разговора.

Но Никита, несмотря на нежелание говорить о прошлом, всё же ответил, так как промолчать было бы нечестно по отношению к Юле и Диме.

— Если кратко, мой брак был по расчёту и взаимной выгоде семей. Между мной и женой не было чувств, и мы прожили в вечных изменах. В то время было непринято разводиться.

— А дети?

— У меня не было потомков.

На самом деле, он не знал, чьих детей он растил в браке со своей нелюбимой женой, где оба были несчастны и оба знали правду. И Никита был более чем уверен, что детей у него не осталось, но вдаваться в подробности не желал.

— А крылья? — Егор не унимался. — Они у всех разные?

— Да, они индивидуальные как отпечатки пальцев. Крылья могут быть похожими, даже очень, но всё равно не существует одинаковых крыльев, — пояснила Юля. — И крылья меняются, если меняешься ты, но только если их вырвать.

Егор снова внимательно осмотрел их крылья. У Юли – маленькие, белые перьевые крылышки, такие же простые и незаметные, как она сама. У Димы крылья были рыжие, надломанные, будто сожженные на концах перья на неряшливых крыльях. У Никиты были самые аккуратные крылья – чёрные кожистые с острыми когтями на суставах и концах крыльев. В то время как крылья Юли и Димы были похожи на крылья птиц – голубя и канюка – крылья Никиты были демоническими.

— Твои крылья… — он смотрел на когти из суставов крыльев, — они как у летучей мыши.

Дима засмеялся.

— Как у летучей мыши!

—Я не похож на летучую мышь! — Никита обиженно поджал губы.

— На себя смотри, чайка скалистая.

Они продолжили спорить, перебивая друг друга, сравнивая крылья и подбирая колкие эпитеты. Дима и Никита, не обращая ни на кого внимания, бранились и уже начинали толкаться крыльями, пытаясь задеть друг друга больнее, но не причиняя настоящий вред.

Вечер продолжался, и Егор впервые за долгое время почувствовал себя в своей тарелке. *Наверное, так должно было случиться?* – думал Егор, смотря на спорящих Диму и Никиту, и украдкой бросая взгляд на Юлю. В моменты, когда он видел её, сердце делало дополнительный удар.

Глава 6

Время близилось к восьми вечера, и Егор чувствовал усталость после вечерней беседы. Живот начинал болеть от съеденной пиццы, а голова тяжелела от непривычного шума. Он не хотел показывать Теням, что ему нужен отдых, а они, забыв, что Егор человек, решали, как провести ночь: Дима и Никита хотели отправиться в полёт наперегонки, но Юля останавливала их, указывая, что сейчас неспокойное время для них всех. Тиша тем временем проснулась и вышла в прихожую, где села по центру. Кошка уставилась взглядом на входную дверь.

— Чего это она? — удивился Дима, заметив, что кошка не обращает ни на кого внимание.

Никто ему не ответил.

Внезапно раздался протяжный звонок в прихожей. Это был не наглый звонок, как у курьера с пиццей, а длинный, нараспев, будто кто-то долго держал палец на кнопке, не собираясь отступать. Юля тут же обернулась, оставив руки под горячей водой. Егор подскочил на месте, испугавшись постороннего звука. Дима лениво поднял голову.

Никита тут же встал с барного стула и с маской вежливой отстранённости отдёрнул край шторы, чтобы посмотреть, кого принесло к порогу его дома.

— О чёрт… — прошептал он, но в его голосе был не ужас, а досадное осознание собственной глупости. — Совсем забыл!

— Кто там? — прошептала Юля, тоже понизив голос.

— Соседи. Я совсем забыл, что пригласил соседей на ужин.

— Соседи? — Дима уставился на него как на идиота. — Ты прячешь в доме человека и забыл отменить ужин со всей улицей?

— Формально, их там всего шестеро, и это не вся улица.

Звонок повторился более настойчиво. Кто-то постучал в дверь кулаком. Тиша даже не дрогнула – кошка наклонила голову набок, чувствуя, что кто-то за дверью есть.

Егор не стал ожидать приказа. Он посмотрел на Никиту и увидел, что тот думает над тем, как выпроводить Егора наверх. Звонок повторился в третий раз, и Никита, чертыхнувшись, направился к двери. Егор, понимая, что в дом сейчас войдут другие Тени, схватил кружку с недопитым чаем и вышел в коридор, где спрятался за первой попавшейся дверью. Перед тем как её закрыть, он услышал, как Никита извиняется перед ним за это неудобство.

Парень оказался в спортзале. Он и не знал, что в этом доме, который со стороны улицы казался не таким уж большим, есть ещё и спортзал. Помещение было рассчитано на одного человека, а вернее, Тень. Внутри было несколько тренажёров и маленькая деревянная скамейка. Егор сел на неё, облокотившись спиной о стену, и стал бесшумно подносить напиток к губам, делая маленькие глотки.

Из прихожей донёсся скрип открывающейся входной двери, а затем возгласы и шквал звуков.

— Никита, голубчик! — воскликнул звонкий женский голос, такой громкий, что Егор обернулся на закрытую дверь. — Мы уже стали думать, что ты снова умотал в Тибет или на этот раз в Африку, да вот свет у тебя в комнате выдал твоё присутствие!

— О, а здесь гости, — прозвучал приглушённо мягкий баритон, — здравствуйте, позвольте представиться – Лев.

Тени стали знакомиться в коридоре. Егор откинулся затылком к холодной стене, прикрыл глаза и вслушался: среди пришедших гостей были две женатые пары – одна пара Марк и Алиса, и вторая – Артур и Алина. Среди них были одиночки Лев и Вера. Тени по очереди представились друг другу, а после этого Никита пригласил всех пройти в столовую.

— Вы ели пиццу? — воскликнула одна из женщин – Егор не мог понять, кому принадлежит голос. — Никита, ты же знал, что мы придём!

— Марк, ставь пирог на стол, — распорядилась женщина со звонким голосом.

Теперь Егор смог понять, кто говорил: это была Алиса, жена Марка, та самая, что предположила, что Никита улетел в Тибет. Тени расставляли угощения на стол, перечисляя, что они принесли. Егор не мог почувствовать запаха еды, но от того, как гости говорили, ему снова захотелось есть.

— Никита, тащи вино из своих запасов, — приказал Лев. — А я вот нам принёс…

Раздался звон стекла о деревянный стол – Лев поставил бутылку.

Егор продолжал пить остывший чай. Он не был изгнан, он ушёл сам, но от этого всё равно было горько. Только он свыкся с мыслью, что, возможно, у него получится обрести приятелей – а быть может и друзей – как сейчас он снова остался на задворках. Егор слышал, как проходит ужин – шум голосов, смех, звон бокалов. Тени обсуждали работу, обменивались новостями и сплетничали. Егор продолжал сидеть, боясь сдвинуться с места, но он не знал, что в это время Дима неловко ёрзает на стуле, усиленно отгоняя мысли о неловкости ситуации. Егор не понимал, что Юля делает вид, что слушает беседы, но на самом деле переживает, что парень сидит в темноте и одиночестве. И он не видел, что Никита украдкой смотрит на дверь спортзала, сожалея о произошедшем.

В дверь спортзала поскреблась Тиша. Кошка остановилась в коридоре и поводила лапкой с выпущенными коготками, молча требуя, чтобы её впустили. Егор хотел было открыть кошке дверь, но вовремя спохватился и остался сидеть.

— Никита, ты завёл кошку? — раздался голос кого-то из мужчин.

— Это Юля привезла её, — ответил Никита и, спохватившись, добавил: — Временно.

— А чего она в спортзал проситься? — прозвучал юный голос, принадлежавший Алине.

— Да кто ж её знает! — вмешался Дима и тут же перевёл разговор в другое русло.

Прошло около часа, как Тени приступили к ужину. Пирог Марка, как всегда, был совершенством – сочная дичь, ароматные травы, идеальный рецепт. Алкоголь на столе расслабил Теней, но это была не пьянка, а культурный вечер, и все выпивали в меру. Алиса, вечная богема с лебедиными крыльями, рассказывала всё, о чём слышала за последний месяц: «А у этих людей, что на соседней улице живут, родился ребёнок. Ходит слух, что в роддоме его на руки взял Введенец», «Я слышала, что погодные аномалии утихли, но Друид с другого конца посёлка ещё не вернулся из командировки», «Говорят, в Санктуме было собрание и назначили какого-то Инквизитора для поиска аномалии». Алиса говорила бесконечно, и вектор беседы сменялся с каждой новой сплетней. Мужчины пытались поговорить о чём-то более разумном. Лев, работающий финансистом, всё порывался обсудить с Никитой курс валют и акции, но их тут же возвращали в более приземистые разговоры. Вера, работающая врачом в обычной человеческой больнице, увидев робкую Юлю, о чём-то тихо с ней говорила, пытаясь развлечь девушку.

Сам Никита чувствовал себя актёром, забывшим свою роль. В такие вечера, когда он не был гостем на чужих праздниках, он искренне наслаждался обществом, был в центре внимания как гостеприимный хозяин и активно участвовал в беседах. Сегодня он лишь кивал, улыбался и иногда забывал подливать вино, а его крылья тянулись вниз, словно мокрый плащ. Все его мысли крутились вокруг того, когда же закончится этот вечер.

Именно в тот момент, когда Алиса вспомнила, что познакомилась с начальником Канцелярии на художественной выставке в Париже в 1968 году, свет в комнате моргнул на одно мгновение. Алиса замолчала. Все недоумённо подняли головы к светильнику, но, как и ожидалось, ничего странного они не увидели. Алиса продолжила рассказывать в деталях, какой дурацкий костюм надел начальник Канцелярии и как над ним все смеялись за спиной. Никто из Теней и не заметил, что фонарь на улице стал мигать.

Муж Алисы, Марк, медленно отложил вилку и коснулся ладонью бедра жены. Тень тут же замолкла и оглянулась на него. Пара встретилась взглядами, и Алиса, до этого говорившая без

умолку, приложила бокал к губам, делая долгий глоток вина. Остальные с непониманием оглянулись на женщину. Полвечера Алиса громко и звонко щебетала обо всём, что могла вспомнить за свои двести лет жизни Тенью, а сейчас внезапно замолчала, и наступившая тишина застала Теней врасплох.

Марк не смотрел ни на кого конкретно. Его взгляд был расфокусированным, направленным куда-то в сторону, будто он прислушивался к тихому гулу. Один за другим Тени заметили дрожь его перьев. Марк задумчиво погладил своё чистое лебединое крыло, такое же, как у его жены, а затем, резко подняв глаза на Артура, сидящего напротив, спросил:

— Ты чувствуешь?

Артур, на вид сорокалетняя Тень с потрёпанными кожистыми коричневыми крыльями, кивнул. Это был шестисотлетний владелец лавки с антиквариатом, который имел отличительную магическую способность – он чувствовал, когда веет магией. Другим Теням это было не подвластно: они знали, что магия просто есть, но Артур мог чувствовать её, словно входящий в воду осязает поток. Именно благодаря этому он находил особенные экспонаты, которые продавал в своей лавке.

Артур обратился к Никите:

— Никита, — его голос был с лёгкой хрипотцой, — ты же знаешь, какая у меня магическая сила.

— Не понимаю о чём ты, — без тени сомнения солгал Никита.

— Всё ты понимаешь… — задумчиво протянул Марк.

— Магией здесь фонит, — согласился Артур. — Свежее, что-то новое. Не наше.

И тут Лев, до этого наблюдавший за проявлением магических навыков своего приятеля, решил, что пора прекращать эту комедию.

— Никита, дело даже не в магии, дело в логике. Вы нас за идиотов держите, господа? — последнее слово он произнёс с лёгкой насмешкой. — Вы, Тени, — он обратился к Юле и Диме, — приехали сюда пожить? Даже кошку привезли? А Алиса видела, как Дима привёз несколько пакетов продуктов. Вы втроём едите меньше среднестатистического человека, неужто потратились, чтобы потом кормить голубей на помойке?

— Если быть честной, — призналась Алиса, — я видела, как вы ночью прибыли домой. Вас было четверо. И если я могу понять, что эта девочка не может летать из-за своих крылышек, то у четвёртого… Вообще их не было!

Алина и Вера одновременно открыли рты. Новость, что в доме Никиты мог быть человек, ничего хорошего не сулила.

— В любом случае, — Артур вернул себе слово, — прекратите мучить гостя. Давайте перестанем играть в дураков. Это оскорбительно для нашего интеллекта и, что важнее, для нашей дружбы.

Все взгляды были прикованы к Никите. Он чувствовал напряжение и вместе с этим чувством смотрел на своих соседей. Они не были врагами. Это было их сообщество, его давние друзья, проверенные ходом времени. И потому он боялся сделать что-то, что может привести их к беде.

Егор всё слышал. Сначала он не понял, почему замолчала Алиса, и о чём стали перешёптываться Тени, но как только он услышал, что один из мужчин требует выпустить гостя, то есть, его, Егор вскочил на ноги. Тени знали, что он здесь. Он слышал все их разговоры, отчего голова шла кругом, слышал их доводы о том, что Никита, Дима и Юля кого-то скрывают. Егор прислушался: раздался голос Никиты – он признал правоту соседей, но в этот момент его голос дрогнул, будто… Будто Никита испугался. Егор не мог поверить, что Тени могут чего-то бояться. Егор сделал несколько суетливых шагов туда-обратно по маленькому спортзалу, сжимая в руках пустую кружку. Ему казалось, что изначально было глупой идеей прятаться от

Теней в другой комнате, по-детски, что ли… Но с другой стороны, Никита ведь не предложил ему остаться в столовой и ужинать вместе со всеми?

Егор остановился и посмотрел в темноту зала. *Будь, что будет. Убьют, так убьют!* – подумал Егор с почти равнодушным спокойствием. Страх начинал выгорать, оставляя безразличие и усталость. Пока он сидел в одиночестве, он успел подумать о том, что в любом случае скоро всё разрешится – не будут же Тени прятать его дольше нескольких дней?

Егор повернулся к двери и зажмурился. Он мысленно считал до пяти, чтобы выполнить задуманное, и пытался не вслушиваться в разгорающийся спор в столовой.

Один… Два… Три… Четыре…

Егор толкнул дверь спортзала и вышел в коридор, после чего застыл у дверей с той стороны. Свет из столовой ударил ему в глаза. Он стоял в проёме, бледный, в чужом кашемировом свитере и с пустой чашкой в руках. Тени одновременно умолкли и повернули головы в его сторону. Их крылья – белые, коричневые, чёрные, кожистые и перьевые – замерли в самых разных положениях: от изумлённого расправления до защитного сжатия. Они смотрели все на вошедшего и не знали, что сказать. Егор наконец смог открыть глаза и первым, кого он увидел – это была Юля, застывшая с приоткрытым ртом. *Какая же она красивая,* — пронеслось в голове Егора, пока он смотрел на неё.

Первой тишину нарушила Вера – это была женщина на вид лет сорока, среднего телосложения, со светлыми вьющимися волосами и морщинками под глазами. У неё были тёмные перьевые крылья среднего размера, суставы которых были проколоты колечками с цепочками – что-то наподобие серёжек в ушах.

— Ты, наверное, слаб… — в её голосе прозвучало искреннее дружелюбие, — только вырвал крылья? Тебе нужно отдыхать.

Тут же раздался голос Алисы:

— А расскажи, что случилось? Это повышение по службе?

Егор повернулся на голос женщины и увидел, как глаза сверкнули с интересом, а губы растянулись в приветливой улыбке. Алиса отбросила в сторону длинные светлые волосы и подпёрла подбородок рукой, надеясь услышать рассказ Егора. Не успел Егор ничего ответить, как муж Алисы – Марк, медленно повернул голову к жене. На его лице скользнула тень укора. Он ничего не сказал, но его взгляд выражал: «Любимая, не всё в этом мире сводится к нашим внутренним драмам».

— Когда я вырвала свои крылья пять лет назад, — подала голос Алина, такая же молодая Тень, как Юля, — мне помог один крем для заживления ран. Я не помню названия, но обязательно тебе принесу.

Теперь Егор посмотрел на Алину. Это была молодая девушка, внешне выглядевшая на двадцать лет, с яркими крыльями, где белые и рыжие перья перемешивались друг с другом. Она была красивая, по-человечески красивая, но как Тень – это было совершенство: аккуратные черты лица с пухлыми губами и серыми глазами, длинные чёрные, как смола, волосы, и ни одной неровности светлой кожи. Алина выглядела как кукла – красивая, без единого изъяна во внешности, будто и неживая вовсе.

Егор посмотрел на всех по очереди, и увидев, что все они ждут от него ответов, он выдохнул. Голос у него был хриплый от долгого молчания.

— Нет у меня никаких крыльев. И не было никогда, — выдавил он злобно.

Только он сказал последнюю фразу, как Тени снова стали переглядываться. Егор не знал, как себя вести дальше. Он продолжил стоять, сжимая в руках кружку. До его ушей донеслось, как Алина шёпотом спросила у мужа Артура:

— Что он сказал? Это как?

— Это шутка какая-то? — непонимающе спросил Лев у Никиты.

Егор поджал губы. Так глупо он себя ещё никогда не чувствовал – никогда не стоял на обозрении у всех и не смотрел как при нём обсуждают его же. Он хотел было развернуться и уйти подальше от этих взглядов, но только опустив взгляд, он увидел, что всё это время Тиша сидела у его ноги и тоже смотрела на Теней за столом.

Егор сделал шаг назад, намереваясь выполнить задуманное, но он и не заметил, как быстро рядом с ним оказался Никита. Парню даже показалось, что Тень к нему подлетел, а не подошёл. Никита обхватил рукой Егора за плечи. Это был дружеский жест, но Егор вздрогнул – это с ним случилось впервые. Рука Никиты оказалась тяжёлой, несмотря на его довольно стройное телосложение. Егор непонимающе оглянулся на Никиту, одновременно отметив про себя, что они одного роста.

— Друзья, это мой гость и теперь, мой друг – Егор, — представил его Теням Никита. — У него нет крыльев и зерна, но он часть нашей реальности.

С этими словами он повёл Егора к столу. Не успел Егор опомниться, как Дима уже принёс ещё один стул, а Юля поставила на стол тарелку с пирогом и налила вино в бокал. Егор сел – ноги его уже не держали. Он посмотрел на тарелку перед собой. Пирог пах лесом, чем-то древним, но невероятно простым.

За столом воцарилось молчание. Егор поднял голову и с удивлением отметил, что все гости смотрят на него как на дикое животное. Только Марк смотрел на него с взглядом, говорящим: «Ну же, попробуй». Егор взял вилку и отправил кусочек пирога в рот. Вкус был таким насыщенным, таким чужим…

— Этому рецепту меня научила мать, — пояснил Марк, наблюдая, как Егор жуёт. — Она была кухаркой в дворянской семье восемнадцатого века.

— Это очень вкусно, — Егор восхищённо похвалил блюдо.

Теперь взгляды устремились на Никиту. Все ожидали ответа на свои немые вопросы, и только Егор продолжал есть. Он уже не в первый раз заметил, что Тени порой забывают задать вопрос вслух. Он даже подумал, нет ли между Тенями что-то вроде телепатии, и решил спросить об этом позже, после ужина.

Никита сел на свой стул и, скрестив руки на груди, заговорил:

— Егор – человек. Обычный, живой человек, которому не повезло. Он видит нас, видит наши крылья и видит магию вокруг себя. И, как мне кажется, Егор влип в неприятность.

— Но… — Алина сначала стала тихо говорить, но тут же, внезапно вскочив со стула, закричала: — Табу! Главное табу!

Егор поднял голову. Что значит слово «Табу», он знал, но ещё ни разу не слышал, чтобы Тени говорили о каких-то запретах. Первым делом он посмотрел на Никиту.

— Тише, — Артур попытался схватить Алину за запястье, но девушка вырвала руку из хватки мужа.

— Главное Табу, главный запрет! Есть всего три запрета! — негодуя, Алина стала напоминать, загибая пальцы: — Не раскрывать свою сущность перед человеком, не иметь близких отношений с человеком и не убивать Тень без распоряжения Санктума! Нас накажут! У нас отберут зёрна, вырвут крылья, мы погибнем!

Егор с трудом проглотил кусок пирога и почувствовал, как тот застревает в горле. *Что?* — подумал он, не понимая, о чём верещит Алина.

— Табу существует не просто так, — задумчиво произнёс Лев, пока Алина впадала в истерику. — Это основа Равновесия.

— Я отлично это знаю, — Никита ему кивнул.

Он весь день думал о том, зачем же они спасли человека. Ещё утром, пока Егор спал, Дима, Никита и Юля, перед выходом из дома, обсуждали произошедшее. Они втроём сошлись на том, что спасли человека, будучи не очень трезвыми, а поэтому сами себе создали проблему. И теперь им предстояло как-то решить вопрос с Егором и при этом остаться с зёрнами.

— Вы с ума сошли?! — восклицала Алина, уже покинув стол и шагая из стороны в сторону по гостиной. — Вы что наделали?!

Её муж, Артур, молча наблюдал за этой истерикой. Ему было шестьсот лет, и он чувствовал, как страшно такой молодой Тени, как Алина.

— Меня сейчас вытошнит, — прошептала Вера.

Егор повернул голову к ней. Вера побледнела за долю секунды. Ей тоже стало страшно, когда она поняла, *что* будет с ними всеми. Егор и представить не мог, какая сцена промелькнула у Тени в голове: Санктум, суд, их ставят на колени, Инквизитор вырывает им зёрна из груди…

Егор продолжил вертеть головой из стороны в сторону, не задавая вопросов. Он видел Никиту, который виновато выслушивал нравоучения Льва; видел кричащую из гостиной Алину; видел, как у Веры собираются слёзы в уголках глаз; как Артур отстранённо смотрит в пустую тарелку. Он услышал сдавленный голос Марка, обращённый к Алисе:

— Надеюсь, не стоит напоминать тебе, что этот ужин должен остаться между нами?

Егор не знал о Табу. Трое Теней, спасших его в баре… Он даже не знал, чем и как они рискуют. Ему стало стыдно. Он здесь, потому что вчера, на заднем дворе бара «Гнездо» он попросил их не бросать его, стыдно, что Юля схватила его за руку, а Дима и Никита вернулись за ним. До него медленно доходила реальность: эти трое рискнули всем, чтобы спасти его, человека, а теперь их девять. Девять Теней, которые по-разному видят одно и то же – какой-то Санктум, о котором кричала Алина, каких-то Инквизиторов, которых как нельзя кстати вспомнила Алиса, и каждый из них видел свою смерть, настоящую смерть, после которой не будет Канцелярии и перерождения, будет только рассыпание в песок.

Егор почувствовал, как под столом кто-то взял его за руку. Это была Юля. Она схватила своими пальцами его пальцы. Парень хотел было отдёрнуть руку, но не стал – Юля вцепилась мёртвой хваткой. Вместо этого он обернулся к Юле и посмотрел на неё, а она, не глядя на него, прошептала:

— Как мне страшно… Я только сейчас всё поняла.

— Ох блин! — выкрикнула Алиса, вскакивая со стула так, что тот упал на землю.

Она зажала рот руками. Её крик был таким резким, что даже Алина замолкла, и лишь всхлипывания Веры теперь были слышны. Не отнимая рук от рта, Алиса прошептала:

— Так вот что было в Санктуме! Инквизитор! Санктум назначил Инквизитора, который будет искать этого человека!

Остаток вечера и ночь прошла в разговорах. Когда Тени успокоились, а Егор, окончательно уставший, ушёл спать, друзья собрались за столом и стали перешёптываться. Все они были согласны, что никто не готов на изъятие зерна, а Егор не виноват в том, что происходит с ним. Тени прикидывали, что они могут сделать, вспоминали, кто мог бы им помочь, к кому можно прийти за советом или протекцией.

— В конце концов, они не могут уничтожить всех нас? — уточнила Алиса. — Не могут же они всех нас наказать?

Гости дома точно решили, что нельзя бросать Никиту и его друзей одних в этой ситуации. Они говорили долго, качали головами и пили вино, закусывая сыром из холодильника. С Алисы и Алины были строго взяты обещания, что они ни слова не проронят, и они, в знак своих заверений, вырвали по одному перу и положили их в центр стола – жест, означающий, что они ручаются своими крыльями.

Уже под утро Тени прощались возле забора. Лев попросил несколько дней на раздумья и обещал аккуратно разузнать, что творится в городе. Когда Дима, Никита и Юля вернулись в дом, они сели за пустой стол. Каждый из них молчал, обдумывая всё, что услышали во время ужина. Тишину прервал Дима:

— Так что завтра летим за его вещами?

Глава 7

В воскресенье утром они вчетвером поехали в квартиру Егора. Чтобы прибыть сюда, Никите пришлось взять машину на прокат. Доехали они с трудом: Дима и Никита должны были «отключить» свои крылья, чтобы вместиться. Юля всю дорогу наблюдала за ними с заднего сиденья, про себя отмечая, что хоть какой-то плюс от владения маленькими крыльями в жизни Тени есть. И когда они наконец припарковались у старой девятиэтажки, Тени выбрались из иномарки. Расправив крылья во всю ширь, Никита и Дима тяжело выдохнули в унисон.

Егор не стал ждать, пока они разомнутся, и поплёлся к двери с облупившейся краской. Дверь подъезда открылась, и оттуда вышел мужчина. Он прошёл сквозь крылья Димы и, поёжившись от холода, пошёл к своей машине.

Четвёрка тут же прошмыгнула в подъезд. Внутри воняло сыростью и кошачьей мочой. Егор заметил, что лифт снова сломан и повёл Теней по лестнице наверх. Лестница была узкой, а стены были выкрашены в два цвета: зелёный – масляная краска, чтобы легко было мыть стены, и белый – матовая побелка. Поднявшись на несколько ступенек, Егор сразу услышал звук, от которого его нутро сжалось. За его спиной раздался скрежет – сухой, царапающий. Парень обернулся.

Никита шёл позади Егора со скучающим видом. Всё, что он видел вокруг, удручало его. Здесь, на лестнице, Никита расслабил свои крылья и теперь когти на суставах задевали стены. Раз, другой… На стенах оставались тонкие белые царапины. Никита не замечал или делал вид, что не замечает, что портит и так облупившиеся стены. Он пытался не вдыхать глубоко воздух в подъезде и сейчас все его мысли были заняты тем, чтобы скорее подняться наверх. За Никитой следовал Дима. Он так же расслабил мышцы спины и его крылья шелестели по стенам, как раз в тех местах, где уже оставались борозды от когтей. Рыжие перья – мягкие и пушистые – мгновенно собирали в себя пыль с побелки, и та оседала серым противным налётом. Дима хлопал себя руками по крыльям, периодически ругаясь, но вместо того, чтобы очистить перья, он больше поднимал грязь, которая тут же оседала обратно. Юля следовала за ними последней. В очередной раз она отметила про себя, что у неё проблем с крыльями никаких нет, кроме того, что они ни для чего не пригодны.

— У вас тут уборку когда-нибудь делали? — спросил Дима Егора, когда они стали подниматься на третий этаж.

— При мне – ни разу, — ответил Егор.

— Ты давно здесь живёшь?

— Третий год.

— Три года без уборки подъезда? — гневно уточнил Никита и его слова эхом поднялись вверх.

— Там внизу табличка висела, что уборка по средам, — вместо Егора ответила Юля.

Егор ничего не сказал. Он был рад, что идёт впереди всех и Тени не видят, как ему неловко. До его квартиры оставалось два пролёта, и он только ускорил шаг. Сзади, попеременно раздавались звуки скрежета когтей и шорох перьев по стенам. Два звука, которых не должно было быть в этом пространстве, раздавались и отталкивались эхом от стен.

Когда они остановились перед квартирой Егора, Тени оглянулись по сторонам. Это была лестничная площадка, на которой стояли санки, велосипеды, коробки и старые сломанные лыжи. В углу лежала чья-то потерянная варежка, которую Юля тут же подняла и положила на кресло велосипеда. Из-за двери справа раздавалась музыка. Сверху хлопнула дверь, и на лестнице послышались шаги.

— Вот, это моя квартира, — сказал Егор и указал рукой перед собой.

Он стоял перед коричневой металлической дверью, с номером, прикрученным криво – семёрка была выше, чем тройка. Егор провернул ключ в замке и, распахнув дверь, сделал шаг внутрь.

Внутри квартиры пахло застоявшимся воздухом, пылью и чем-то ещё. Егор не сразу понял, что это, но в скором времени вспомнил – он оставил полное мусорное ведро под раковиной. Парень будто и забыл за эти два дня, что прошедший месяц он предпринимал попытки поесть, но каждый раз еда вставала в горле, и он выбрасывал приготовленную пищу.

— Проходите, — произнёс он сдавленным голосом.

Только сейчас он и вправду осознал, как же скромно и даже убого, выглядит его жилище после дома Никиты. Он не знал, как живут Дима и Юля, но Егор проложил логическую цепочку: *если Тени живут долго и имеют магию, если Никита и его соседи живут в Сосновом Логу, значит, и Дима с Юлей также богаты?* Он в задумчивости посмотрел на Диму, стоящего в подъезде: на нём были надеты старые джинсы, растянутый свитер, грязные кроссовки. Юля была одета прилично и чисто, но скромно, без излишеств. Только Никита выделялся на их фоне – как всегда безупречно и дорого облачённый в качественные вещи.

В ту секунду, как Егор разглядывал Теней, Юля ловко сбросила обувь и двинулась на кухню. Не успел Егор опомниться, как услышал, что Тень открыла окно, впуская свежий воздух. Затем в квартиру вошли Дима и Никита. Ни один из них не подумал пропустить другого вперёд, и от этого они столкнулись в дверном проёме. Мужчины потолкались крыльями, Никита сорвал куртку с вешалки, а Дима оставил пыль из подъезда на обоях в коридоре.

— Дай пройти, — прошипел Дима.

— Я сейчас застряну, — пожаловался Никита.

Немного поворчав, они сложили свои крылья за спинами, но здесь, в бетонной коробке метр на два, им всё равно было мало места. Не дожидаясь дальнейших приглашений Егора, они прошли в комнату, где парню снова стало стыдно. Перед ними была кровать, которую Егор давно не заправлял: одеяло скомкано, подушка валялась на полу, а простынь была смята. На спинке стула комом лежала грязная одежда, на полках и у плинтусов – пыль.

— Надеюсь, в моём доме такого не будет… — флегматично протянул Никита, глядя на пожелтевший сухой огрызок яблока, забытый на подоконнике.

Егор покраснел. Он не знал, куда спрятать глаза от стыда. Вместо этого он попытался исправить ситуацию и принялся заправлять постель, чувствуя на себе их взгляды.

— Ну, человеческое жильё, — Дима постарался подбодрить парня. — Неряшливо, но вроде уютно. Я в такой квартире жил лет сорок назад.

— Пятьдесят, — поправил его Никита. — Мы в то время дебоширили в той квартире, чтобы мешать соседке твоей, как её там…

— Тётка Аля, так мы звали её.

— Да, точно, противная бабка была. На всех соседей жаловалась, жизни никому не давала. А нам хоть бы что было. Только милиция приезжала – нас уже не было в квартире.

Только Егор привёл постель в порядок, как Дима тут же сел на краешек и упёр локти в колени.

— Ладно, давай вещи собирать, — приказал Дима Егору, — а то Никита сейчас начнёт воспоминания разматывать, и мы тогда здесь заночуем.

— Я никогда не предаюсь долгим воспоминаниям! — запротивился Никита.

— Конечно-конечно, — ответил Дима, а затем он снова обратился к Егору: — Ну, давай, живее.

— Нет, подожди, — Никита не унимался. — Неужели…

— Да отстань ты от меня! — огрызнулся Дима и взмахнул крылом, поднимая пыль с пола, чтобы отогнать Никиту как назойливую муху.

Егор смотрел на них и почувствовал, как горечь отступает. Эти двое снова стали спорить, но спор их был несерьёзный, будничный. Парень, слушая их вполуха, открыл шкаф и стал скидывать на кровать свои скромные пожитки: несколько маек, свитера, две рубашки, два костюма и джинсы.

Никита, так и не получив ответа от Димы, с грустью оглядел мятые вещи, сваленные грудой на постель.

— Где твой чемодан?

Долго оставаться здесь Никите не хотелось. Егор, услышав вопрос, лишь пожал плечами, а затем едва слышно ответил:

— У меня нет чемодана.

Он обернулся в тот момент, как Никита поднял на него взгляд. Дима смотрел с одного на другого, ожидая развязки этого глупого диалога.

— Как это, нет чемодана? — удивился Никита, пряча руки в карманы брюк. — А как ты путешествуешь?

Егор внимательнее посмотрел на Никиту. Он и вправду увидел неподдельное удивление в глазах нового товарища. Егор тут же посмотрел на Диму, ища поддержки. Дима лишь пожал плечами, мол, чего ещё ожидать от Никиты.

— Я не путешествую, — спокойно ответил Егор. — Я всего два раза был вдали от дома: один раз у моря с родителями, другой раз в столице, тоже с родителями. А так, я езжу в родной город с рюкзаком.

И с этими словами он поднял с пола чёрный потёртый рюкзак с облезлым логотипом фирмы. Цвет логотипа раньше был красным, а теперь стал бледно-розовым.

Никита беззвучно открыл рот, затем закрыл.

— Ты… собираешься перевезти вещи в этом?

— Нет, у меня ещё дорожная сумка есть, — усмехнулся Егор.

Он поднялся на носочках и порыскал руками на верхней полке шкафа. Спустя несколько секунд он вытащил оттуда старую матерчатую сумку, купленную на рынке перед переездом в общежитие. Сбоку сумки был карман со сломанным замком, из-за чего карман теперь не закрывался. Егор уже стал понимать, что Никита впадает в уныние от этой квартиры и от всего, что видит, поэтому, набравшись смелости, он решил подшутить над Тенью:

— Вот, хорошая вещь.

Он прекрасно понимал, что место этой сумки на помойке, но свою роль он играл хорошо и протянул сумку Никите.

— На, сам посмотри.

Егор видел, как Дима за спиной друга пытается скрыть улыбку. Никита не вынимал руки из карманов. Он пытался оставаться вежливым, но сейчас не мог себя побороть. Никита резко обернулся, беспомощно оглянулся на Диму, который едва скрывал свои смешки.

— Только не говори ничего, — сказал Дима. — Я тебя умоляю.

— Это отличная сумка! — Егор не унимался, еле сдерживая улыбку.

— Конечно, — подхватил Дима. — Наш эстет просто никогда не сталкивался с базарным ширпотребом. Никита, ты вообще хоть раз был на обычном рынке? Ну, кроме как в Стамбуле или в Марракеше.

— Нет, — едва слышно выдавил Никита.

— Вот и не осуждай.

Никита поджал губы. Не обиженно, а растерянно.

— Я и не осуждаю. Просто… У меня никогда не было таких вещей.

— Хочешь, подарю? — улыбнулся Егор и протянул сумку.

Это было последней каплей. Дима разразился громким хохотом, отчего бледное лицо Никиты порозовело от смущения.

— Ну, как хочешь, — Егор пожал плечами.

Он открыл сумку и начал складывать туда свои вещи, комкая их в шар, не раскладывая и не утрамбовывая.

— Они же мнутся! Ты же видишь, что всё будет мятым! — не выдержав, крикнул Никита.

— У тебя же дома есть утюг?

Но Никита не успел ему ответить. Дима поднялся с кровати и тут же подтолкнул Никиту на выход.

— Никит, иди в булочную сходи, — предложил Дима. — У тебя сейчас сердце не выдержит. Иди, иди… Возьми пирог какой-нибудь, булочки к чаю… Что хочешь возьми!

Пока Никита обувался, ничего не сказав, Дима краем глаза заглянул на кухню. Там Юля молча мыла холодильник, а перед ней стояло мусорное ведро, наполненное испорченной едой. Когда Дима закрыл дверь за Никитой и вернулся в комнату, он пояснил:

— Есть у него утюг, только он не знает, где этот утюг лежит. У Никиты когда-то были домработницы, но все они лазали по шкафам и рассматривали памятные безделушки. Они стали задавать вопросы, и поэтому теперь он никого не нанимает для уборки.

— А Тень? Разве нет домработниц – Теней? — спросил Егор. — Ну, которым ничего не нужно было бы объяснять.

— Тени не работают на других Теней, — сказал Дима и вытряхнул все вещи из сумки, а затем, продолжая говорить, стал складывать всё обратно аккуратными стопками. — Тень может работать в доме у людей, но это не на их благо, а на благо их судеб, а значит, и на благо Равновесия.

— Но у него дома так чисто… — непонимающе сказал Егор, наблюдая за действиями Димы.

Дима тем временем расправлял вещи Егора. Он складывал одежду аккуратней – не так идеально, как это сделал бы Никита, – но всё равно лучше Егора.

— У него есть робот-пылесос на каждом этаже, посудомоечная машина, какой-то робот для чистки окон… Что там ещё? — спросил Дима сам себя, пытаясь вспомнить. — Когда-то у него даже свет включался от хлопков ладонями, но Никита отключил эту функцию.

— Почему?

— А его крылья хлопают так, что свет постоянно то включался, то выключался.

— А как так получилось, что он... такой?

Дима задумался на мгновение, раздумывая, можно ли Егору рассказать что-то из прошлой жизни Никиты. Придя к выводу, что особой тайны он не раскроет, Дима стал говорить, правда, на тон тише:

— Он родился в богатой дворянской семье, а потом умер в богатой дворянской семье. Его отец был столичным банкиром, и сам Никита был банкиром, — Дима пожал плечами, складывая вещи в аккуратные стопки. — За время своей жизни он и так владел огромным капиталом, а после становления Тенью вернулся за всем своим под видом племянника, которому осталось наследство. А дальше у него были сто лет, чтобы всё это умножать и преувеличивать, — рассказывал Дима, складывая вещи в сумку. — И как ты понимаешь, Никита только сейчас учится что-то делать самостоятельно.

— Но ты и Юля не такие ведь? — удивлённо протянул Егор.

Дима оглянулся в коридор, прислушиваясь, как течёт вода из крана.

— Юля такая же как ты, — почти шёпотом сказал Дима. — Ну, не очень обеспеченная. Совсем недавно она была человеком, работала учительницей в школе и погибла, когда спешила на работу. Представь, в один день ни дома, ни счёта в банке, а из вещей – то, что на тебе. Считай, она всё начала с нуля шесть лет назад. А если говорить про меня, то я никогда не был богачом, как Никита.

— Но почему Никита смог вернуться за тем, что было его, а Юля даже счёт в банке не смогла вернуть?

— Времена были другие.

— Он не кажется избалованным, — задумчиво сказал Егор, заправляя кровать повторно.

— А он и не избалованный, — ответил Дима и протянул Егору сумку, в которой ещё было достаточно свободного места. — Он просто не знает, как живут обычные люди. Ладно, основное собрали. Трусы и носки сам собирай.

После того как Никита отвёз всех в Сосновый Лог, ему нужно было вернуть машину. Оказавшись в городе, он долго стоял в воскресных пробках, наблюдая за человеческой жизнью, в которую незаметно вплетались Тени: вот Жнец поджидает на пешеходном переходе юношу, который намерен перебежать дорогу на красный свет. Жнец уже включил планшет и приготовился заполнять форму, но за долю секунды за спиной юноши материализовался Чтец и схватил бедолагу за капюшон. Рывок – и человек поскользнулся на неочищенном ото льда тротуаре. Через секунду прямо перед ним проехали машины. Жнец тут же одобрительно поднял большой палец вверх – теперь ему нужно было заполнять меньше документации. Чуть дальше две Тени гуляли по городу – это была обычная прогулка. Тень с характерными крыльями – плотными перьевыми графитового цвета – стоял в стороне от толпы, сканируя поток машин.

— Аномалию, что ли, ищешь? — пробормотал Никита, стоя перед светофором.

Светофор переключился, и Никита снова погнал машину вперёд. До каршеринг-центра оставалось пятнадцать минут, но подъезжая к нему, мужчина вспомнил, что рядом находится бар «Гнездо». Он резко перестроился в соседний ряд, чем заслуженно получил гневный гудок от другого водителя, а затем, свернув во дворы, припарковался в неприметном переулке между булочной и круглосуточным ломбардом.

Днём здесь всё выглядело иначе. В переулке стояли мусорные баки, здесь же был задний двор какого-то ресторана и сейчас возле двери стояли повара, томно курящие во время перерыва. Никита дождался, когда они вернутся внутрь ресторана, и только после этого он выбрался из машины, с удовольствием расслабляя спину.

Дверь бара была закрыта, и даже стилизованный значок гнезда не светился. Сейчас был обед воскресенья, но Никита знал, что бармен точно на месте. Он постучал. С той стороны никто не спешил, но он снова повторил стук в дверь. Спустя пару секунд дверь приоткрылась, и в проёме показалась лысая голова бармена.

— А, это ты, — поприветствовал Григорий.

Григорий и Никита были давними знакомыми. За сто лет, что Григорий владел баром, а Никита был частым клиентом, они успели стать приятелями. Никита знал, что у Григория всегда есть, чем удивить Теней, а Григорий знал, что крылатый статистик всегда оставляет чаевых больше, чем следует.

Никита прошёл вглубь помещения и сел за барную стойку. Свет пробивался через маленькие окошки под потолком, а за спиной бармена мерцали огоньки в новогодней гирлянде. Григорий отложил тряпку и достал из-под стойки два стакана, налил туда жидкость цвета древесной коры и одним движением толкнул стакан к Никите.

— Я за рулём, — сказал Никита, но стакан всё же поймал.

— Оно безалкогольное. Зачем пришёл? — спросил Григорий и опёрся руками о столешницу, внимательно слушая собеседника.

— Я знаю, что ты раньше был Чтецом.

Григорий ухмыльнулся. Никита решил не ходить вокруг да около и в лоб поднял животрепещущую тему.

— Многие знают, что я четыреста лет вмешивался в жизни людей, чтобы сохранить Равновесие. Я не скрываю этого. Это же обычная работа в нашем мире. Так и что?

Григорий оторвал взгляд от Никиты, снова взялся за тряпку, затем вышел из-за стойки и стал протирать поверхности столов.

— Я хочу спросить. Ты за четыреста лет… — Никита попытался правильно подобрать слова. — Ты сталкивался с тем, чтобы кто-то тебя видел? — он отпил из стакана, но не смог понять, что ему налил Григорий. — Вернее, видел твои крылья?

Григорий, услышав вопрос, даже не обернулся на Никиту. Лёгкая улыбка поползла вверх, отчего у глаз собрались мелкие морщинки.

— Как тот парень, который в пятницу сбежал с вами?

— Как ты… — Никита замер.

— Я бармен. Я всё вижу и всё слышу, — пояснил Григорий. — Но этот парень не обычный. А если быть точнее, он не совсем парень.

— Как понять?

Григорий швырнул тряпку на стол и, уперев руки в бока, обернулся к Никите. Его кожистые крылья расправились с тихим шелестом.

— Ты же знаешь, я не сплетничаю. Я только слушаю и смотрю.

— Но ты сам сказал, что Егор – «не совсем парень»! — воскликнул Никита и разгневано махнул рукой. — Давай, говори уже!

Григорий недовольно выдохнул – Никита был нетерпелив и порой заносчив, что не могло не раздражать.

— Короче, этот ваш Егор… Он не совсем обычный человек. Обычный человек вместо «Гнезда» видит заброшенный склад, а он смог зайти сюда и видел то, что здесь и вправду есть – бар для Теней. Такое возможно только если он владеет магией.

Никита задумался. Он быстро прокрутил в мыслях всё что узнал об Егоре за несколько дней, вспомнил его убогую квартирку, то, как он скромно одевается и забито себя ведёт.

— Он же человек, — недоверчиво сказал Никита.

— Он человек со способностью к магии, — заметил Григорий. — Я в этом уверен. Просто поверь моему опыту. Иначе как он видит Теней? Магия – это как ключ в нашу реальность. У каждого из нас есть этот ключ – зерно. А для этого ключа у нас есть замок – способность к магии. А у этого парня нет зерна, то есть ключа, но есть замок!

— Не понимаю, а у него это откуда?

— Из воздуха! — воскликнул Григорий. — Ты же знаешь, магия повсюду: в воздухе, в земле, в нас и на наших крыльях. Ну, что-то вроде радиации, которая высвобождается и долго присутствует на территории. Мы магию разносим. А он, имея способность к магии, копит её и хранит в себе. Но не может использовать. Как будто в окно подглядывает: видит наш дом, но не живёт в нём.

Григорий устало посмотрел на Никиту. Всё, что он сказал, это были его предположения, в которых он был уверен. И сейчас бармен надеялся, что доступно объяснил Никите то, как видит этого человека.

— Это твои догадки или такие случаи были известны? — спросил Никита, не понимая откуда Григорий всё это взял.

— Я знаю немного больше, чем ты, — улыбнулся Григорий.

Никита встал с барного стула и, пройдя несколько шагов по помещению, немного подумал и вдруг признался:

— Я нарушил Табу. Я рассказал этому человеку о себе, кто я такой и немного о нашем мире.

Он подумал, что Григорий сейчас начнёт негодовать, но вместо этого бармен снова пожал плечами.

— Не только ты, но и твои друзья, — сказал он. — Я же видел всё.

Григорий не был удивлён и воспринял признание Никиты совершенно спокойно. Бармен взял свой стакан и сел на диван, а затем жестом предложил Никите сесть напротив.

— На самом деле, мы все нарушили Табу, — сказал он, когда Никита расположился напротив. — Все присутствующие в баре в пятницу знали, что Егор – человек, который их видит. Самое правильное, что мы должны были сделать, это сдать его Инквизитору ещё до того, как тот прибыл. Парню стёрли бы память, решили бы с ним вопрос, нам всем сделали бы предупреждение, но вместо этого мы продолжили веселиться. Если Санктум сможет установить поимённый список присутствующих в баре, они должны будут как-то наказать нас.

— Но… твоё имя они ведь знают?

— Я не просто бармен, — Григорий улыбнулся. — За шестьсот лет существования Тенью я обзавёлся связями. Где сейчас этот парень?

— Это не важно.

— Ладно, — Григорий не стал настаивать. — Но имей в виду, аномалию пытаются опознать. Вчера в Санктуме было экстренное собрание, и Совет назначил ищейку. Инквизитора Кассиана. Слышал о нём?

— Нет. А ты?

Григорий отпил от стакана, раздумывая, как деликатнее рассказать Никите о Кассиане. Он опустошил стакан, поставил его на столик, а затем, сложив руки в замок, стал говорить:

— Я с ним давно знаком. Когда-то он был нормальным парнем, но сейчас… Кассиан – неадекват. Он карьерист, который идёт по головам, не боится идти против регламента и лишь чудом избежал наказания после того как устроил пытки Тени на последнем задании. Хотя я думаю, это не чудо, а покровительство кого-то из высокопоставленных.

— В этом замешаны Могущественные? — заподозрил Никита.

— Не обязательно. Между нами и Могущественными есть ещё цепь Теней, каждая из них четвёртого ранга, но на самом деле они не равные друг другу.

Никита обдумывал его слова, пока Григорий снова не заговорил:

— Вы укрываете его. Никита, ты образованный человек…

— Тень, — Никита поправил его.

— Образованная Тень, — Григорий улыбнулся. — Ты догадался, что человек обладает способностью к магии ещё до того, как я тебе сказал это. И ты знаешь, что Тени «глушат» магию друг друга. Этот парень где-то с тобой и с твоими друзьями – своим присутствием вы стираете след его магии, чтобы его не нашли.

Никита уставился на Григория. Бармен догадался о том, чего Никита не говорил никому, даже Диме и Юле.

— Никита, я Тень с шестисотлетним стажем, — Григорий усмехнулся, уловив его взгляд. — Рядом со мной ты – ребёнок, который пытается обмануть старика. Есть две причины, почему человека ещё не нашли. Первая, это то, что он в месте, где много магии, которую он медленно впитывает в себя. Вторая – Могущественные считают ниже своего достоинства искать нас для допроса в Санктуме. Ты – мелкая сошка, чтобы с тобой говорить. Ты знаешь, что на Санктум работают Тени с магическими способностями? Например, Тень, которая может вытащить память против твоей воли? Вообще, таким навыком обладают почти все Могущественные, но из Теней четвёртого ранга такая есть только одна. Она может показать твои воспоминания другим – как фильм на экране телевизора. Думаешь, у Санктума нет способов заставить тебя добровольно, или не очень, говорить? — сказал Григорий. — Когда магия этого парня станет «фонить» больше, чем магия нескольких Теней, вас найдут и без суда сотрут в пыль. Ну, формально, суд будет, но лишь формально.

— Почему же Тени об этом не знают? — Никита не поверил в услышанное. — Почему тогда у тебя не достали информацию из головы?

— Потому что это очень дорого, — усмехнулся Григорий. — Представь, есть одна единственная Тень, способная достать твои воспоминания из головы, не нанося тебе вред, а потом показать их Арбитру и Могущественным. Будут ли эту Тень вызывать для проверки всех участников или сначала найдут одного того самого, которого нужно проверить?

— Но ведь и Могущественные могут это сделать, если верить твоим словам.

— Да не смеши меня… Будут они ещё руки марать.

— Сколько Теней знает о Егоре? — Никита сменил тему.

— В тот вечер здесь было пятьдесят три Тени, не считая меня. Трое из них – вы. Значит, минимум пятьдесят незнакомых Теней видели его. Но я хочу тебя обнадёжить.

Никита поднял на него взгляд. Пятьдесят Теней… Если Санктум начнёт задавать вопросы им всем?

Григорий снова взялся за тряпку и продолжил говорить, начищая стол.

— Ни одна из Теней, которые здесь были, не хочет ему зла. Все заинтересованы в Равновесии, и они на вашей стороне. Такова природа наша.

— Как это понять?

— Те, кто знает о назначении Кассиана, считают это несправедливым, что началась охота. Каждая Тень знает – способность к магии даётся Введенцем. Никто не знает, по какому принципу Введенец выбирает человека, но что нам известно – люди никак не могут «подкупить» Введенца, просто потому что не знают о существовании Теней. Если человек имеет способность к магии… Значит, после смерти он становится Тенью. Но магия не плещется через край при жизни, ведь нужен ключ?

— Значит… — Никита стал догадываться.

— Вам надо почитать архивы, — подсказал Григорий. — И прими мой совет: поищи того, кто сможет тебе помочь.

— С чем?

— Ты слышал о книгах жизни?

— Когда-то что-то слышал, но не знаю об этом ничего, — честно признался Никита.

Григорий впервые во время беседы удивился.

— А по-твоему, почему Чтецы зовутся Чтецами? — спросил он, а затем пояснил: — Тени отдела Судьбы в основной своей массе представляют Чтецов и Провидцев. Провидцы пишут книги жизни. Они могут видеть будущее. В книгах написаны основные события жизни человека в виде пунктов и возраст, когда пункт должен быть выполнен. Каждый выполненный пункт ведёт к истории жизни человека, — пояснял Григорий. — Эти книги хранятся в библиотеках. А Чтецы, в свою очередь, эти книги читают, и они должны сделать так, чтобы человек шёл по особому пути. Например, не погиб раньше времени, встретил нужных людей, имел какие-то достижения. Это то, что нельзя сделать магическим способом. Нельзя просто наколдовать человеку любовь, удачу, счастье, понимаешь? Он должен сам этого добиться, а Чтец может лишь ему помочь. И то так, чтобы человек этого не заметил.

— Не понимаю, к чему ты клонишь, — устало сказал Никита.

Он уже запутался от хода мыслей Григория.

— Чтец имеет на попечении десятки людей, и порой он не успевает читать все книги. И тогда он действует не согласно написанному, а согласно тому, как будет лучше для Равновесия. Заметь, не для человека, а для Равновесия! Я думаю, в жизни этого парня был упущен один, ну, может, два пункта, из-за чего он идёт не по тому пути.

— Постой, — внезапно осознал Никита. — Но я не видел никакого Чтеца рядом с Егором! Наша первая встреча с ним произошла ещё до Нового года, а сейчас…

— Бинго! — перебил его Григорий, щёлкнув пальцами в воздухе. — Где его Чтец? Почему он допустил, что Егор пришёл в бар?

— Я понял! — Никита догадался и вскочил на ноги. — Нужно найти книгу жизни Егора. И как это сделать?

— Доступ к книгам имеют только Тени отдела Судьбы.

— Ты ведь был Чтецом.

— Я не имею больше доступа в библиотеки. И ни одна Тень отдела Судьбы не даст тебе эту книгу прочитать. Это запрещено под страхом вырывания зерна. Только единственная Тень может распоряжаться имуществом библиотек.

— И это… — предположил Никита, уже догадываясь о ком зайдёт речь.

— Конечно, — ответил Григорий и кивнул, — она самая.

Никита в задумчивости потёр подбородок. Мысль о том, чтобы искать одну из восьми самых Могущественных Теней, чтобы попросить её помощи, вселяла в него страх. Это было нарушение этикета, нарушение субординации, нарушение всего порядка, в который он привык верить.

Григорий поднялся на ноги и вернулся за стойку. Он стал неспеша мыть стаканы, из которых они только что пили. Никита видел, что бармен собирается что-то сказать, но не торопил его. Григорий убрал чистую посуду и, уперевшись ладонями в стойку, заговорил:

— Через три недели будет день становления Тенью одного из Хранителей. Кажется, Хранителя Покоя. Там соберутся все Могущественные и всякая элита. Я позабочусь о том, чтобы твоё имя было в списке.

— Но я ведь не элита. Что я там делать буду?

— Пойдёшь туда со своими друзьями, и будете спасать человека! — ответил Григорий.

Он достал из-под стойки листок в клеточку, что-то написал на листе, а потом рассказал:

— Загородный ресторан «Эфир», вот адрес. В списке приглашённых будет твоё имя и плюс двое. Приедете, выпьете по бокалу шампанского, наберётесь смелости и вперёд – искать госпожу Судьбу. Правда, если её Хранитель допустит вас до разговора с ней.

— А ты не можешь организовать как-нибудь нам знакомство? — с надеждой в голосе спросил Никита.

— Никита, ты наглец! Я и так много сказал, дал тебе подсказки и помогаю попасть на закрытую вечеринку. И поверь, никто не будет уточнять, как ты туда попал. Пришёл – значит, имеешь право, — сказал Григорий и снова продолжил писать на листе. — Седьмое февраля, начало в 19:00. Одеться прилично, ну, как ты любишь.

Григорий протянул листок. Никита взял его в руки, сложил в несколько раз и спрятал бумагу во внутренний карман пиджака.

— Просто приезжай, — сказал Григорий. — Вы без проблем пройдёте. В нашем мире всегда так – если ты смог попасть внутрь, значит, имеешь право. Возьми с собой двоих, кого хочешь. А теперь иди, мне пора мыть полы.

Никита кивнул и поблагодарил. Он ещё раз проверил, точно ли положил лист в карман, и, удостоверившись, направился к выходу. В тот момент, когда он взялся за ручку двери, мужчина услышал, как Григорий его окликнул.

— Никита, не получится отсидеться, понимаешь? Рано или поздно вас найдут. Лучше решай проблемы сейчас.

Никита вышел из бара и остановился на пороге. Воздух был холодный, по-январски злой. Над переулком висело тёмное небо – ни звёзд, ни просветов, только тяжёлые тучи. Где-то далеко гудела сигнализация машины, во дворе лаяла собака, а из ресторана напротив пахло готовыми блюдами. Никита стоял так несколько секунд – просто дышал, пытаясь уложить в голове всё, что узнал.

Через двадцать минут он вернул машину на стоянку каршеринга, оплатил штраф за задержку автомобиля, забрал свои документы и вышел на улицу. До дома нужно было вернуться своим ходом. Он отошёл в сторону между домами, огляделся, и убедившись, что никого

вокруг нет, приготовился взлететь в небо. Никита вздохнул, расправил крылья и чуть присев, оттолкнулся от земли, затем взмахом крыльев поднял себя в воздух. Через несколько секунд город остался внизу – огни, дороги, люди, которые даже не поднимут голову. Потом потянулись спальные районы, за ними окраины, частные дома, а позже лес, внутри которого расположился посёлок Сосновый Лог. Он летел быстро, разрезая холодный воздух, и думал о том, когда рассказать Диме и Юле новости. И как сделать это, чтобы Егор не узнал обо всём раньше положенного времени.

Глава 8

Рано утром железная дверь открылась, и в кабинет допросов в здании Службы контроля за аномалиями вплыла Тень. Она не вошла, а именно вплыла, и вместе с ней в кабинете появился яркий шлейф сладких духов. Это была лёгкая гибкая Тень с хитрой улыбкой на ярко накрашенных губах. Она была одета откровенно, а во рту вошедшей – жвачка, которую она демонстративно надувала и с хлопком сдувала. За её спиной переливались крылья – тонкие, прозрачные, с изумрудным отливом – как у стрекозы.

Когда Тень села за стол, она посмотрела на Инквизитора и его помощника: обе Тени были четвёртого ранга, в серых костюмах, коротко стриженные и с графитовыми перьевыми крыльями. У Инквизитора крылья были массивными и устрашающими, а у его помощника – меньше и не такие опасные, как у начальника. Помощник держал в руках планшет, куда вносил данные золотистыми искрами.

Когда Тень наконец уселась перед ними, помощник сначала указал движением ладони на Инквизитора и представил его:

— Инквизитор Кассиан.

Затем он сам представился, не забыв перед этим указать ладонью на себя:

— Агент Верещанин.

Девушка закинула ногу на ногу, её крылья качнулись, задевая спинку стула, а жвачка с хлопком лопнула. Она, никак не приветствуя их, продолжила жевать. Верещанин открыл протокол для заполнения.

— Имя?

— Зарина.

— Фамилия?

— А зачем?

Верещанин оторвался от формы и поднял на неё взгляд. Девушка невинно посмотрела на него, демонстративно продолжив жевать. Её крылья создавали тихую вибрацию вокруг силуэта. Верещанин повторил:

— Фамилия.

— Крылатова, — Тень хмыкнул. — Родители будто знали.

— Что вы делали в баре «Гнездо» в ночь с пятницы на субботу?

Зарина прекратила жевать. Верещанин подготовился протоколировать её ответ и поэтому замер, прижав пальцы к виску. Девушка осталась неподвижна, только коротко ответила:

— Работала. Танцевала.

— Работали? — не отрывая пальцев от виска, спросил Верещанин.

— У нас шоу, — пояснила Зарина. — Тени приходят посмотреть на красивых Теней. Я – красивая.

— За деньги? — уточнил Верещанин.

Его вопрос прозвучал с некоторым намёком. Верещанин даже позволил себе кривую улыбку. Зарина опёрлась на стол ладонями и, едва сдерживая наглую ухмылку, ответила помощнику Инквизитора:

— За зарплату. Я танцовщица. Работаю официально, налоги плачу. И даже не раздеваюсь.

Верещанин выдержал паузу. Он оторвал пальцы от своего виска и, выполнив характерный жест, перенёс услышанную информацию в протокол. Зарина проводила взглядом золотистые искры, а затем посмотрела на Инквизитора. Тот сидел неподвижно и смотрел на неё без единой эмоции. Он выглядел так, словно надел маску бесстрастия. Зарине стало не по себе: она невольно поёжилась, но тут же уняла дрожь в теле и снова повернула голову к помощнику.

— Что вы сделали, когда пришла проверка? — уточнил Верещанин, встретившись с ней взглядами.

— Ну, — едва задумавшись, ответила Зарина, — как и все. Сначала растерялась, а потом веселилась.

— Вы знаете, что саботаж тоже наказуем? Помимо Табу Санктум определил свод законов несколько столетий назад, — напомнил Верещанин.

— Саботаж? Я вообще не знала, что в баре какая-то проверка. Свет выключился, и я просто… танцевала в темноте. У Григория в баре иногда лампочки мигают.

Верещанин выдохнул и посмотрел на начальника, ожидая его реакции, но Кассиан остался неподвижен. Его глаза буравили танцовщицу, а губы были плотно сжаты. От этого взгляда всем становилось неудобно и Верещанин отвернулся: в конце концов, Кассиану не нужно разрешение на то, чтобы сказать своё слово.

— Не советую вам лгать, — пробормотал Верещанин. — У нас есть данные, что именно вы препятствовали одному из Агентов.

— А я не лгу, — уверенно ответила Зарина. — Свет мигал, я танцевала. С Агентом, который пришёл в бар. Это такая шоу-программа – специально для уважаемых Теней.

Она говорила легко и небрежно, насмехаясь над ними.

Верещанин снова перевёл взгляд на Кассиана. Сегодня планировались короткие допросы. Кассиан едва заметно кивнул.

— Свободны, — тут же сказал Верещанин.

Зарина поднялась со стула и, поправив юбку, вышла из комнаты. Когда до двери оставалось меньше метра, её шаг предательски перешёл на бег и Зарина выпорхнула из комнаты допроса так же легко, как и попала сюда.

Следующим зашёл Тень лет двадцати на вид, в потрёпанных джинсах и в футболке с логотипом старой рок-группы. Тёмные волосы торчали в разные стороны, на руках висели браслеты, а на перьевых крыльях с проплешинами была обвита проволока с колючками. Он плюхнулся на стул без приглашения, спрятал руки в карманах джинс, закинув голень на колено. Тень уставился на Верещанина с ленивой улыбкой, игнорируя Инквизитора, будто того и вовсе здесь не было.

— Здарова, — поприветствовал вошедший.

Верещанин даже не стал смотреть на него. А уж о том, чтобы представляться и не думал.

— Имя? Фамилия?

— А оно вам надо?

Тень старательно избегал взгляда с Инквизитором. Он смотрел, не отрывая глаз, на Верещанина.

— Фамилия, — ровно повторил Верещанин, ставя пометки на экране.

— Нету. Давно это дело было.

— Серьёзно?

— В паспорте написано Ветров, — флегматично ответил Тень. — Но мне уже триста лет, я не думаю о фамилии.

Верещанин проигнорировал эти слова.

— Что делали в баре «Гнездо» в ночь с пятницы на субботу?

— Отдыхал.

— Конкретнее, — потребовал Верещанин.

— Пил. Танцевал. С девками общался, — Тень хмыкнула. — Ну, как обычно.

— С кем именно общались?

— А я имён не спрашиваю.

Верещанин наконец отложил планшет и посмотрел на него. Его лицо не выражало ничего, кроме скуки от этой беседы. Допросы тех, кого смогли опознать по городским камерам, уже порядком надоели Агенту.

— Вы понимаете, что это официальный допрос?

— Ну да, я бумаги подписал, — ответил Тень, стараясь, чтобы голос прозвучал дружелюбно. — Я ж не отказываюсь, отвечаю вам: пил, танцевал, с девками общался.

Верещанин выдохнул и снова взял планшет в руки. Его крылья оставались неподвижны.

— Что делали, когда пришла проверка?

— Саботировал.

Верещанин снова посмотрел на Тень. Его наглость не видела пределов – он всё так же сидел в расслабленной позе, а наглая ухмылка на его лице раздражала Агента.

— Вы знаете, что саботаж также наказуем? — спросил Верещанин.

— А за что наказывать? Я только сейчас узнал, что это была проверка. А так, свет моргнул, я бегал, орал, крыльями махал. Весело же. Вы бы тоже повеселились, если б не работали там, где работаете.

— Попрошу уважения, — Инквизитор впервые заговорил. Его голос был ровным и безмятежным, но холодным. — Не забывайте, где вы и с кем говорите.

Последняя фраза прозвучала с паузой после каждого слова. На пару секунд в комнате повисла тишина. Тень почувствовал, как по лбу стекает капля пота. Он всё так же не смотрел на Инквизитора, ожидая вопросов от Агента. Но затем Верещанин махнул рукой в сторону двери.

— Свободен.

Тень подскочил слишком быстро и, подгоняя себя крыльями, почти вылетела в тамбур. Только он скрылся за дверью, как тут же внутрь зашёл следующий. Это был обычный, неприметный мужчина, в сером костюме-двойке и белой рубашке. Крылья за его спиной были самыми обычными – белыми, перьевыми, аккуратными, сложенными за спиной. Он неспеша прошёл к столу, и перед тем, как сесть, пригладил пиджак. Когда он сел, его руки сами легли на колени, а взгляд закрепился на металлическом блеске стола.

— Имя?

— Игорь, — ответил Тень, не поднимая головы.

— Фамилия?

— Котов.

— Что делали в баре «Гнездо» в ночь с пятницы на субботу?

— Отдыхал, — голос допрашиваемого был безэмоционален. — После сложной рабочей недели.

— Где работаете?

— В отделе Мира. У нас были… — Тень замешкался, не зная, можно ли говорить об этом. Он поднял голову и только встретившись с взглядом Верещанина, продолжил говорить: — Были аномалии с ветром. Пришлось работать сверхурочно.

— Как отдыхали в баре?

— Пил сок с водкой. Был один, беседовал с барменом.

— О чём?

Тень замолчала на долю секунды, обдумывая, как бы сказать правду, чтобы это не прозвучало шуткой.

— О погоде. Мы, Друиды, часто говорим о погоде.

Верещанин хмыкнул и перенёс мысли в планшет движением пальцев от виска.

— Что делали, когда пришла проверка?

— Сидел на месте. Свет погас, я сидел. Дождался, когда включат, и потом ушёл.

— Вы не занимались безумствами, как и остальные?

Их взгляды встретились в очередной раз. Игорь не мог поверить в услышанное. Тогда он позволил себе наглость и ответил встречным вопросом.

— Я похож на того, кто безумен? Крушить чужое имущество и препятствовать закону – не в моих правилах.

Верещанин посмотрел на него, затем полистал свои записи в планшете. Он кивнул.

— Свободны.

Игорь медленно поднялся со стула и так же медленно направился к двери. Верещанин посмотрел на Инквизитора: Кассиан сидел всё так же неподвижно, скрестив руки на груди. Его взгляд буравил спину и крылья медленно выходящего Игоря Котова.

Тень покинул кабинет. Не успела дверь захлопнуться, как тут же с той стороны в помещение втолкнули девушку. Она выглядела очень юной – по всей видимости, выбрала внешность себя восемнадцатилетней. Верещанин и Инквизитор рассмотрели её крылья – перья торчали в разные стороны, одно крыло было чуть больше другого, и они безвольно висели у неё за спиной. Девушка осталась стоять в дверях, сжимая в пальцах край футболки.

— Проходите, — добродушно предложил Верещанин и указал на стул перед собой.

Девушка подошла и, недолго думая, села на краешек стула. Её плечи осунулись, пальцы продолжали теребить краешек футболки, а крылья, словно инстинктивно, расправились, и она укрыла ими свои плечи. До того как зайти сюда, она уже встретила Зарину, и та ей рассказала, какие вопросы задают в этой комнате. Но всё равно девушка была неспокойна.

Верещанин хотел было начать, но не успел – Кассиан первым спросил:

— Как давно вас признали Тенью?

Девушка вздрогнула от его громкого властного голоса и тут же опустила глаза в пол.

— Месяц назад, — тихо ответила Тень.

— Месяц назад, — подытожил Кассиан, уже тоном спокойнее. — И вы уже ходите по барам, где столетние пьют?

— Но… Это же место для всех Теней?

Она посмотрела сначала на Инквизитора, прямо в холодные серые глаза. Затем украдкой глянула на Верещанина, в очередной раз вздрогнув. Зарина сказала, что Инквизитор молчит, а вопросы задаёт Агент.

Кассиан продолжил беседовать с ней:

— Верно, для всех Теней, но вы ещё даже не научились управлять крыльями.

— Я одинока, и я хотела найти друзей.

Кассиан ухмыльнулся. Его лицо впервые за это утро озарилось улыбкой, и уголок губ пополз вверх, в то время как другая половина лица всё так же оставалась неподвижна.

— Мы все были одиноки, когда стали Тенями. Мы потеряли свои семьи, друзей и привычный уклад жизни. Но некоторым из нас с самого начала хватало ума не ходить по злачным местам, не развив свои способности, — проговорил Инквизитор, будто рассуждал сам с собой.

Девушка постеснялась говорить об этом дальше. Она снова опустила глаза. Ей было тяжело – всего как месяц вышла с Канцелярии и теперь вот пожалуйста – допрос в Службе контроля за аномалиями.

Несколько секунд было тихо, а потом Инквизитор приказал Верещанину:

— Продолжайте.

Кассиан откинулся на спинку стула и сел в привычную ему позу – слегка наклонив голову и скрестив руки на груди.

— Имя? — Верещанин вернулся к допросу.

Девушка подняла голову и с удивлением посмотрела на Верещанина, затем – на Инквизитора. Кто есть кто, она не могла понять.

— Аня, — растерянно ответила Тень.

— Фамилия?

— Иванова.

Верещанин, не отрывая взгляда от экрана планшета, повторил вопрос:

— Серьёзно? Аня Иванова?

— Ну да, — Тень смутилась ещё больше. — Нормальная фамилия. Мой дед – Иванов, мой отец – Иванов, и я Иванова. Вся моя семья Ивановы.

Верещанин заулыбался. Он попытался скрыть эту усмешку, но у него не получилось.

— Что делали в баре «Гнездо» в ночь с пятницы на субботу?

— Друзей хотела найти, танцевала.

— Нашли друзей?

— Нет.

— Что делали, когда пришла проверка?

— Испугалась. Сидела на диване и не уходила. Кто-то даже попал в меня стаканом, — с этими словами Аня подняла рукав футболки и показала кровоподтёк на предплечье, который уже сходил.

Верещанин посмотрел на её руку без особого интереса, а потом продолжил задавать вопросы. Ответы он уже не протоколировал.

— Что-нибудь видели?

— Ничего не видела и ничего не знаю, — быстро ответила Аня.

— А если подумаете и попытаетесь вспомнить?

Верещанин впервые за день понадеялся на удачу. Не похоже было, что девушка в сговоре с саботажниками.

— Уверена, ничего не видела.

— Ладно, свободны.

Аня вскочила на ноги и выбежала из кабинета. Как только хлопнула дверь, Верещанин откинулся на спинку стула с прорезями для крыльев и потёр переносицу. Под глазами залегли тёмные круги – третий день допросов давал о себе знать.

— Одно и то же, — пожаловался он Инквизитору. — Мы уже нашли и опросили двадцать Теней, некоторых – дважды. Они все говорят одно и то же с малыми различиями: пили, ели, танцевали, саботировали.

Высказав свои недовольства, он повернулся к Инквизитору. Тот тут же встал со стула и стал расхаживать по кабинету. Кассиан приподнял крылья, чтобы они не касались грязных полов.

— Что будем делать? — спросил Верещанин, поворачивая за Инквизитором голову, словно подсолнух поворачивается за солнцем.

— Будем искать того, кто их собрал и научил, что можно говорить, а что нельзя, — задумчиво протянул Кассиан.

— Как это понять?

Кассиан остановился и начал плавными движениями жестикулировать в воздухе, давая пояснения помощнику.

— Все они врут: первая жевала жвачку, чтобы зубы не скрипели. Её крылья дрожали, но она выдавала это за естественное жужжание крыльев стрекозы. Второй сидел в закрытой позе – для его типажа неестественно. Он не раздолбай, он боится. Выставил ноги вперёд, руки спрятал в карманы, потому что ладошки потели. На меня ни разу не посмотрел.

Кассиан продолжил ходить.

— А последние двое? — спросил Верещанин, следя за ходом мысли начальника.

— Третий слишком спокойный, слишком правильный и даже медленный. Он выпил слишком много успокоительных. Тело послушалось лекарства – Котов успокоился, но крылья слушают только мозг. Котов был заторможен и не мог контролировать свои крылья – они дрожали. Вон, даже перо потерял, — и с этими словами Кассиан ногой вытащил из-под стола белое

перо сотрудника отдела Мира. — А четвёртая… Она соврала лишь в одном: она всё видела и всё знает.

Верещанин слушал начальника, и его лицо становилось всё мрачнее. Кассиан пошёл в обратную сторону, продолжая вальяжно махать рукой в воздухе.

— Кто-то научил их всех, что нужно говорить. Знаешь, Верещанин? Продолжай допросы. Вызывай их друг за другом, рано утром и поздно вечером. Изматывай их, заставляй повторять одно и то же, спрашивай одно и то же, смотри, как они себя ведут. Рано или поздно кто-то ошибётся. Скольких мы установили?

— Всего Теней было от пятидесяти до шестидесяти. Ещё уточняем по городским камерам. Мы нашли двадцать, допросить осталось ещё троих.

— Плохой результат, — Кассиан нахмурил брови. — Больше половины ещё не найдены.

Инквизитор вернулся за стол, сложил крылья в прорези кресла и снова стал бесстрастным.

— Вызывай следующего, — приказал он и склонил голову на бок.

В кафе «На виду» было как всегда шумно и пахло обедами. За столиком в углу, у окна, сидели трое в свой обеденный перерыв. Юля разрезала на маленькие кусочки венскую вафлю с мороженым – золотистую, хрустящую, с высокой шапкой белого пломбира, покрытую орешками и шоколадным сиропом. Прожёвывая маленькие кусочки, Тень жмурилась от удовольствия.

— Не забудь тарелку облизать, — посоветовал Дима, наматывая на вилку спагетти.

Никита сидел, опираясь на стол корпусом тела. Перед ним стояла нетронутая чашка кофе. Он деловито говорил по телефону.

— Да, — говорил он негромко, — хорошо.

Пауза.

— Нет, — голос стал твёрже. — Я запрещаю.

Дима перестал жевать и уставился на него. Юля тоже отложила вилку.

— Алиса, — Никита процедил сквозь зубы, — не смей трогать бонсай. Если ты хоть пальцем прикоснёшься к нему, я… Ты пожалеешь.

Он слушал ещё несколько секунд, потом выдохнул.

— Алиса, не смей! Всё, до встречи, — сказал он и нажал отбой, после чего отложил телефон в сторону. — Кажется, мой дом разрушают.

Дима усмехнулся и отправил вилку с макаронами в рот. Не прожевав, он спросил:

— Алиса там?

— Алиса, Алина и Егор, — Никита сделал глоток остывшего кофе и поморщился. — Надеюсь, Егор присмотрит за моими вещами, пока эти две приглядывают за ним.

Дима подавился спагетти и закашлялся. Юля тут же протянула ему салфетку. Никита не стал ничего делать – он не раз говорил Диме, что нужно жевать с закрытым ртом. Пока Дима откашливался, Никита посмотрел за окно и замер: в отражении стекла он увидел вошедшего внутрь Тень. Он был в сером костюме, в сером пальто, с графитовыми перьевыми крыльями длиной до голеностопных суставов. Это был Инквизитор. Крылья Никиты напряглись и расправились, оставляя когтями на концах крыльев едва заметные царапины на стене.

— Надо отчёты доделать, — прохрипел Дима, не замечая перемены настроения друга. — Юля, что там с папкой «на доработку»?

Юля тоже ещё не заметила вошедшего.

— Нормально всё, — сказала Юля и провела последним кусочком вафли по тарелке, собирая шоколадный сироп. — Никита, когда я смогу уйти к тебе стажироваться? Надоело за Диму делать всю работу.

— Да хоть завтра… — задумчиво протянул Никита.

Через отражение стекла он наблюдал, как официантка предлагает гостю пройти к свободному месту. Он видел, как Инквизитор совершенно бесшумно прошёл к предложенному столу и сел спиной к окну. Сейчас он был в двух рядах от Никиты и сканировал зал, словно радар. Вошедший сделал заказ и в ожидании официантки его взгляд скользил по лицам и крыльям обедающих.

Их взгляды встретились.

Никита смотрел в глаза Инквизитора ровно секунду, потом, очень спокойно, естественно, перевёл взгляд на Юлю и продолжил разговор, будто ничего не случилось.

— Так ты с завтрашнего дня в статистике будешь?

— Э, нет, — вмешался Дима. — Ты и сам справляешься.

— Стажёр хочет попробовать себя в другом.

— Стажёр хочет вовремя уходить домой, а не сводить таблички в планшете по ночам, да, Юля?

Они оба посмотрели на девушку в ожидании ответа. Юля подвинула тарелку в сторону.

— Я хотела бы вообще уйти из Канцелярии, — призналась она.

— И куда же? — Дима совершенно не был удивлён.

Мало кто хотел работать в Канцелярии, особенно если должность называлась «стажёр». Даже тот, у кого была должность «главный рекрутер» или «главный статистик», мечтал уйти.

— Не знаю, — сказала Юля и пожала плечами. — Я работаю, потому что у меня нет денег.

— У аристократа попроси, он деньги не считает, — Дима кивнул в сторону Никиты. — Он вон уже вторую неделю…

Дима хотел закончить, что Никита уже вторую неделю содержит всех в своём доме, но в этот момент друг пнул его под столом. Удар пришёлся по колену. Он взглядом повёл в сторону, и Дима, не оборачиваясь, боковым зрением увидел мужчину в сером.

Тем временем официантка принесла гостю чашку американо, которую Инквизитор выпил залпом, не сводя глаз с зала. Не прошло и минуты, как он поставил чашку, бросил купюру и поднялся из-за стола. Никита тем временем продолжал говорить о работе, надеясь, что Инквизитор не заметил их реакции. Юля, сидевшая спиной к нему, ничего не понимала, но чувствовала напряжение. Она аккуратно положила вилку и сложила руки в замок перед собой, ожидая. Девушка почувствовала, как сзади повеяло холодом – Инквизитор прошёл мимо их стола и направился к выходу. Он двигался так медленно, будто ожидал приглашения за стол.

Дима увидел, как дверь открылась и закрылась. Воздух на миг замер в кафе, но через секунду шум вернулся. Никита выдохнул.

— Вот дерьмо... — выругался он и вытер пот со лба, а после стал начищать руки влажной салфеткой.

— И кто это был? — спросила Юля, сидевшая спиной к залу.

— Инквизитор, — коротко бросил Дима, отодвигая пустую тарелку в сторону.

— Ого! А с каких пор они сюда ходят?

— Этот просто мимо пролетал… — съязвил Дима. — Просто кофейку захотел.

— Нас нашли? — испуганно прошептала Юля.

Никита покачал головой.

— Пока нет. Если бы что-то заподозрил, нас бы уже вели на допрос.

Сам не ожидая того, Никита напугал Юлю своими словами. Девушка замерла, и страх погнал мысли вперёд: *вот они выходят из кафе, а тут их окружают трое – Инквизитор и двое Агентов. Инквизитор показывает удостоверение и просит пройти за ними. Он не шумит, говорит тихо, требует не начинать панику вокруг обычных посетителей торгового центра. Один из Агентов тянет руку к Юле, но Дима вовремя ставит свою руку между ладонью Агента и локтем Юли – жёстко, но без агрессии.*

— Не надо, — Дима говорит почти мирно.

Они втроём идут как задержанные, но без наручников. Агенты встают слишком близко к Диме и Никите, почти вплотную. Никита отодвигает одного движением крыла.

— Не жмись ко мне, — и это не угроза, а тихая просьба.

Их рассаживают по трём машинам. Двери закрываются. Их везут в Службу контроля за аномалиями.

Юля моргнула. Реальность вернулась резко, будто она внезапно проснулась ото сна. Она осмотрелась по сторонам: они ещё внутри, официанты разносят заказы, люди общаются, шумит кофемашина, а за окном блестят сугробы под январским солнцем.

— Ладно, пора идти, — произнёс Никита.

Он оплатил счёт, и они с Димой одновременно встали из-за стола. Юля последовала за ними. Когда Тени покинули кафе, её страх притупился – за дверьми их никто не ждал. По пути к Канцелярии Никита рассказал, что в воскресенье был в «Гнезде» и говорил с Григорием.

— О Егоре знаем не только мы. Григорий подтвердил мои догадки – у Егора есть способность к магии, и пока он с нами, мы «глушим» его.

— Поэтому мы живём у тебя? — уточнил Дима.

— Отчасти, да. И ещё Григорий сказал, что Инквизитор Кассиан, думаю, это был он, ищет Егора.

— Что известно об Инквизиторе?

— Пока единственное, что я знаю – Кассиан жесток и готов на любые действия для достижения цели, — сказал Никита, пряча руки в карманы.

— У Службы контроля за аномалиями строгий регламент, — Дима качнул головой. — Он не может превышать полномочия.

Они вышли из торгового центра «Сфера» и прогулочным шагом возвращались на работу в Канцелярию. Снег под их ногами тихо хрустел.

— У нас тоже регламент, — напомнил Никита, — но некоторые следуют не строго должностным инструкциям. Например, халатно проверяют досье… Или каждую вторую Душу отправляют в зал ожидания.

— Точно-точно, — подтвердила Юля, отстающая на шаг от мужчин.

— Ой да ладно вам! — Дима хохотнул, понимая, к чему они клонят. — А то у вас всё идеально и под контролем.

— На работе – да. А ещё Григорий сказал искать союзников, — Никита снова вернул разговор в русло. — Через три недели будет светский вечер в честь дня становления Тенью Хранителя Покоя. Там будет вся элита, Хранители и возможно, Могущественные.

Дима присвистнул от такой новости.

— Ты хочешь пойти туда? А тебя там вообще ждут?

— Ты что! — воскликнула Юля. — Где мы, а где Хранители и Могущественные! Ты с ума сошёл?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.